

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

МЕРТВОПИСЬ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Мертвопись

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Мертвопись / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2019 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-102740-7

Новый роман о выдающемся сыщике Льве Гурове — герое старейшей детективной серии. За 25 лет вышло около 200 томов тиражом десятки миллионов экземпляров. Полковники МВД Гуров и Крячко расследуют обстоятельства смерти художника Виталия Лунного, картины которого мистическим образом влияют на действительность. В разгар следствия неизвестные похищают из музея самую знаменитую работу мастера — «Портрет вечности». Именно с этим полотном связаны наиболее громкие происшествия последних лет. Сыщики понимают, что эта картина для грабителей не столько материальная ценность, сколько предмет культа. Недаром со смертью художника связано столько загадок... Гуров и Крячко решают провести эксгумацию тела Виталия Лунного и с удивлением устанавливают, что тот был похоронен... живым.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102740-7

© Леонов Н. И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Мертвопись	5
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Николай Леонов, Алексей Макеев

Мертвопись

Мертвопись

Ярким апрельским днем ведущие опера Главка угрозыска полковники Лев Гуров и Станислав Крячко медленно прогуливались по Грачихинскому бульварчику, который вел к здешнему полублошиному рынку. В теплом весеннем небе неспешно плыли облака, по дорожкам аллеек прыгали стайки воробьев. И хотя ветерок был еще холодноватым, все равно ощущалось приближение знойного лета. С некоторых пор на одной из бульварных аллей стали проходить стихийные вернисажи самодеятельных художников. Среди любителей изобразительного творчества выставлялись как достаточно одаренные люди, так и те, кто лишь пытался найти себя в этом виде искусств. Поэтому среди полотен, достойных внимания даже самых матерых искусствоведов, было немало и такого, что, даже на взгляд непрофессионала, смотрелось хаотичной незатейливой мазней. Впрочем, не теряя самообладания, эта категория «живописцев» объявляла свои «творения» так называемым «современным искусством», каковое очень уж обожается гражданами либеральных умонастроений и политических взглядов.

Поглядывая на пейзажи и натюрморты, опера обсуждали между собой вчерашний день, который выдался на редкость напряженным. Все началось с телефонного звонка их непосредственному начальнику, генерал-лейтенанту Петру Орлову. Некто Рутитов – глава ниже среднего по своим капиталам банка «Симбиоз» – пожаловался генералу на то, что час назад неизвестными была похищена его малолетняя дочь. Сделав все необходимые уточнения, Орлов немедленно «впарил» это дело своим ведущим, или, как их называл он сам, «коронным» операм.

Гуров и Крячко, работая тандемом, раскрыли уже не одно дело из категории глухарей и за поиски похищенной взялись безоговорочно. Нет, так-то они могли бы побрыкаться, поскольку буквально вчера закончили запредельное по своей запутанности дело и имели полное право на выходные. Но найти похищенного ребенка для них было делом особой важности, поэтому старые друзья тут же, что называется, засучили рукава. Всего за несколько часов они успели не только выдвинуть несколько версий, но и отработать наиболее реалистичные.

Поиски похищенной девочки привели их в деревню Нырково. И, как это нередко бывало, Лев и Станислав, чтобы не спугнуть похитителей, взяли их сами, сыграв роль группы захвата. Им здорово помогло то, что бандиты, сторожившие ребенка, не удержались и надумали «подбодриться» сорокаградусной. И вот в тот самый миг, когда, чокнувшись наполненными рюмками, сообщники похитителей опрокинули их в рот, в прихожую внезапно ворвались два живых смерча, сметающих все на своем пути. Бандиты-охранники и ахнуть не успели, как были распластаны на полу, обезоружены и скручены в бараний рог. Похищенная в этот момент мирно спала и даже не проснулась, когда ее переносили в машину.

На первом же допросе выяснилось, что организатором похищения дочери Рутитова был его же двоюродный брат, пожизненный завсегдатай мест заключения, алкоголик и наркоман. Дико завидуя своему кузену, тот решил его ощутимо «пощипать» в плане получения выкупа. Узнав о том, что ребенок найден, а вся шайка киднепперов задержана, Орлов остался очень доволен темпами и результатом проведенного расследования. Он объявил, что Гуров и Крячко получают сразу два выходных. Приятели на следующий же день решили пробежаться по магазинам рыболовных принадлежностей. А то ж! Рыбацкий сезон, по сути, уже начался, а они еще даже не обновили свои рыболовные снасти! Этому и решили посвятить сегодняшнее утро.

На Грачихинский бульвар приятели приехали не случайно – здесь находился рыболовно-охотничий магазин, куда в прошлые годы они наведывались уже не раз. Ну а увидев ряды художников с их творениями, они не смогли просто так пройти мимо и задержались, чтобы, выкроив минутку, посмотреть здешние шедевры. Да и «шедевры» тоже. Бегло окинув взглядом нечто абстрактно-примитивистское, выставленное снуловатого вида типом в берете, с толстым шарфом на шее, они перешли к картинам его соседа. Здесь их внимание привлекла одна из работ, и они остановились рассмотреть полотно более детально. Автор изобразил лес и высящиеся над ним горы в лучах вечернего солнца. Красноватые отсветы солнечных лучей создавали впечатление того, что склоны гор и кроны деревьев покрыты кровью.

– Мрачноватый сюжетик... – склоняя голову то направо, то налево, констатировал Станислав. – Что-то в нем гнетущее...

– Да, к веселью не располагает... – согласился Гуров.

– Вам не нравится? – поинтересовался подошедший сбоку дед, чем-то похожий на пасечника.

– Нарисовано здорово, убедительно, только вот почему такие кровавые тона? – вопросительно взглянул на деда Лев. – Автор картины – вы?

Щипнув себя за бороду, «пасечник» утвердительно кивнул:

– Да, это полотно написал я. А кровавые тона... Ну, в этом я не вижу ничего особенного. Это не более эпатажно, чем «Утро стрелецкой казни» Сурикова или репинский «Царь Иван Грозный и его сын Иван». Это как бы тревожное ожидание дня грядущего. Вот скажите: у вас есть твердая уверенность в том, что завтрашний день не станет последним в бытии земной цивилизации? Нет, конечно! Все мы знаем, сколь хрупок нынешний мир и сколь вероятно то, что вся наша планета в любой момент может приобрести кровавые, я бы сказал, марсианские тона. Кстати! Я так понял, моя работа оказала на вас определенное психологическое воздействие? Но это так, к слову. А известно ли вам, господа, что есть немалое число известных полотен, обладающих, без преувеличения, невероятными свойствами? Полотен, которые реально влияют на судьбы людей?

– Ну-у-у... кое-что слышал... – сдержанно кивнул Гуров. – Что-то такое рассказывали про изображение плачущего мальчика, которое вызывало пожары в тех домах, где оно находилось. Правда, мне лично в это не очень верится.

– Увы, но это не выдумка, а грустная реальность...

Немного помолчав, «пасечник» (в ходе разговора назвавшийся Вольдемаром Анатольевичем Линксом и поведавший о том, что происходит из рода поволжских немцев, в котором было немало художников) рассказал о грустной судьбе одного своего приятеля. Тот (надо же было такое придумать!) на собственном опыте решил доказать, что суеверия – чушь, и «плачущий мальчик» к пожарам отношения не имеет.

– ...У нас дачи рядышком, забор в забор, знакомы мы с ним лет уже пятнадцать. Иногда на двоих винишка «раздавим», о делах посудачим... – Старик улынулся и чуть развел руками. – И вот он надумал репродукцию этой картины у себя на даче повесить. Как я его отговаривал, как отговаривал! Он в ответ только смеялся, мол, ты, Володя, в плену суеверий. Повесил, и вроде ничего не случилось. Ну, где-то полгода так тянулось. А потом, уже осенью, как-то среди ночи меня будто кто-то под бок толкнул. Просыпаюсь, а в окне – багровое зарево! Я бегом на улицу, в чем был. А Генкина дача – как костер полыхает. Подбегаю к двери – она заперта. Ломом ее выбил, кое-как Генку на улицу выволок. Он уже почти задохнулся – еле в чувство привели. И тут же крыша – ух-х-х! Соседи тоже сбежались, «пожарка» прикатила. Слава богу, газовый баллон не рванул. Ну, что смогли – потушили, хотя сгорело почти все, что было деревянное. Одна кирпичная коробка дома цела осталась – Генка его потом восстановил. Наутро стали мы разбирать пожарище, а под упавшим листом шифера – вот так чудо! – та

самая репродукция, целая и невредимая! Я тут же на пустыре вырыл глубокую яму, завернул картину в черную материю и там закопал. Вот такая непридуманная история.

– А почему вы ее закопали, а не порвали, не сожгли? И для чего завернули в черную материю? – заинтересовался Станислав.

– О-о-о... Рискованное это дело – рвать и жечь! – покачал головой Линкс.

По его словам, некоторые полотна имеют необычное, мистическое свойство мстить тем, кто с ними грубо обошелся. Как пример, «пасечник» рассказал историю картины норвежского художника-импрессиониста Эдварда Мунка, страдавшего шизофренией. Его полотно «Крик» винят в смерти многих людей. Первым из длинного списка потерпевших стал музейный работник, который ее уронил. Вскоре у него начались страшные головные боли. Врачи не смогли ему помочь, и он покончил с собой. Еще один музейный смотритель, тоже не удержавший картину при перемещении с места на место, попал в тяжкое ДТП и стал полным инвалидом. А посетитель музея, всего лишь коснувшийся ее рукой, вскоре погиб в огне пожара...

Среди изрядного числа картин, которых коллекционеры живописи издавна считают «проклятыми», есть и полотна русских живописцев. Так, например, недоброй славой пользуется «Неизвестная» Крамского. В свое время владевшие этой картиной или тяжело заболели, или разорялись, или кончали жизнь самоубийством. У самого живописца, после того как он закончил эту работу, в течение года умерли оба сына...

– А завернул эту репродукцию в черную материю я для того, чтобы вредоносное изображение было изолировано даже от земли, в которой оно зарыто, чтобы не отравлять недра земные негативной энергией, несущей беду и разрушение, – как о чем-то естественном продолжал повествовать старик. – Черный цвет, как вы, наверное, знаете, – абсолютный поглотитель любой энергии. Не случайно же на Руси, да и во многих других странах, новорожденных первые дни жизни прятали за черным занавесом, чтобы уберечь от недобрых взглядов.

– Жуть! – передернув плечами, резюмировал Стас. – Послушайте, Вольдемар Анатольевич, а вот у меня дома еще от прежних хозяев в квартире осталась репродукция Джоконды. Уж Мона-то Лиза, наверное, не из каких-нибудь вредин?

– Ошибаетесь, молодой человек! Как раз наоборот, очень даже опасная картина. Она забирает жизненные силы у тех, кто ею владеет, кто на нее смотрит, с кем она постоянно находится рядом.

– А вот как вы можете объяснить подобные явления? – рассматривая еще один сюжет, написанный «пасечником» (облако, своей формой напоминающее летящего лебедя, до половины закрыло солнце), поинтересовался Гуров.

– Хм-м-м... – Линкс неспешно погладил бороду. – Скорее всего, на энергетику полотна влияет как личность самого художника, так и изображаемый им объект. Не последнюю роль играют те тона и краски, которые он использует, мысли и настроения, преодолевающие его во время работы. Да, наверное, мысли и настроения того человека, которого он изображал, тоже имеют значение...

Увлечшись разговором, старик пояснил, почему художники-эзотерики (есть и такие!) считают Мону Лизу вредоносной. По его словам, Леонардо да Винчи писал ее с некой женщины, которая имела репутацию «черной вдовы». Эта дама несколько раз выходила замуж, и всякий раз ее мужа или просто умирали, или погибали от рук злодеев, или кончали сами с собой. Леонардо писал эту картину три года. Но самое загадочное тут то, что начинал он ее писать цветущим, сильным мужчиной – ему не составляло труда разломить руками подкову, – а закончил работу иссохшим, немощным старцем, у которого отнималась правая рука.

– Как вы, наверное, знаете, в настоящее время эта картина хранится в Лувре. Так вот, служителями музея уже давно было замечено: когда у них на месяц-два прекращается прием посетителей из-за каких-либо ремонтных или реставрационных работ, изображение Джоконды словно стареет. Но как только по коридорам Лувра снова хлынут потоки туристов, она тут

же молодеет, становясь той, какую мы привыкли видеть. Искусствоведы столетиями пытаются разгадать тайну ее улыбки. Берусь предположить, что ее улыбка одновременно грусть по поводу того, что на ее глазах чахнет столь видный мужчина, и удовлетворенность обилием поступающей от него жизненной энергии, которая ее подпитывала... – Линкс при этих словах выразительно взглянул на Станислава.

– Ну, все! – решительно взмахнул рукой Крячко. – Сегодня же отдам ее своему соседу по лестничной площадке. Он у меня ее уже раза два выпрашивал. Вот и пусть забирает. Лучше повесить какой-нибудь пейзажик. Уж от этого, думаю, вреда никакого не будет. Как считаете, Вольдемар Анатольевич?

– Ну, если вы обзаведетесь полотном Шишкина, Саврасова, Левитана и других художников классической направленности, то, конечно, обогатитесь благородной, чистой энергией, обильно льющейся с этих картин, – согласно кивнул старик. – Но и пейзажи не все безобидны. Возьмем «Водяные лилии» Клода Моне. Казалось бы, мирный, идиллический сюжет – заросший пруд, на его поверхности – лилии, в воде отражаются облака... Но этот пейзаж признан одним из самых пожароопасных. Когда Моне его закончил, непонятно как возникший пожар случился прямо в его мастерской. Потом сгорело купившее это полотно кабаре, через год сгорел дом какого-то мецената, горел Нью-йоркский музей искусств... Так что советую, избегайте импрессионистов.

– Вольдемар Анатольевич, вас послушать, так мир искусств – это сплошная черная магия... – усмехнулся Лев. – Берусь предположить, что и скульптура, и музыка тоже могут нести в себе какой-то опасный негатив?

– Вы абсолютно правы! – Линкс изобразил рукой убеждающий жест. – Всем знакома брюссельская скульптура писающего мальчика. Так вот, говорят, что тот, кто у себя дома поставит его копию, будет страдать энурезом. А Медный всадник? Один житель Питера часто ходил мимо этого памятника и всякий раз задерживался, чтобы полюбоваться им. Ну и? Однажды он стал лунатиком. Да, да, настоящим лунатиком, лунными ночами гуляющим по крышам! А музыка? Вы что-нибудь слышали про песню венгерского музыканта Реже Шереша «Мрачное воскресенье», которую называют гимном самоубийц? Ее он написал в середине тридцатых. После первого же исполнения песни на радио по Будапешту прокатилась целая волна самоубийств. И такое было неоднократно. Поэтому в ряде стран исполнение «Мрачного воскресенья» официально запрещено.

– Ну, твою дивизию! – Стас хлопнул себя руками по бокам. – Все против человека. Все придумывается исключительно для того, чтобы он или сгорел, или повесился... А вот почему не напишут картину, не сочинят музыку, чтобы это, наоборот, приносило пользу, удачу? Например, картиной полюбовался – избавился от язвы желудка, музыку послушал – сорвал в лотерею джекпот. А? Почему художниками, композиторами если и создается что-то сильнодействующее, то обязательно только действующее со знаком минус?.. – возмущенно резюмировал он.

– Не кипятись! – смеясь, тронул его за плечо Гуров. – Все эти «магические» картины, «магические» статуи и музыка, провоцирующая суицид, – все это, скажу тебе, существенно только для тех, кто во все это верит.

– Вы так думаете? – саркастично усмехнулся «пасечник». – Хорошо! Расскажу вам про некоего самодеятельного художника, который один стоит всех членов Академии художеств...

По его словам, еще лет пять, а то и шесть назад тот появился на Грачихинском бульваре внезапно, словно вынырнув из ниоткуда. Просто появился – и сразу же произвел фурор. Кто он и где живет – сразу узнать не удалось. Лишь потом, без особой охоты, он признался, каковы его имя и фамилия. Как оказалось, звали его Виталием, а вот фамилия была несколько необычной – Лунный. Новичок производил впечатление человека скрытного и малоразговорчивого.

Пристроившись где-то сбоку, Виталий выставил на продажу несколько полотен. Среди них был сельский пейзаж, на заднем плане которого была изображена деревня, раскинувшаяся в долине реки. А вот на переднем – качели, висящие на толстом суку березы, и на них лихо раскачивались смеющиеся парень с девушкой. Все на картине дышало мирной, счастливой жизнью.

– Я только взглянул на его работу, как у меня аж дыхание перехватило. Гляжу на них и вижу, что это мы с моей Наташей. Все сразу так нахлынуло... Даже в глазах защипало! – признался старик.

Еще одно полотно представляло батальную сцену времен незапамятно глубокой древности (как бы не из жизни Атлантиды). Суровые, мощные воины с мечами, в необычных доспехах яростно рубились на фоне стены огромной крепости. Третьей выставленной работой был портрет девочки лет пяти в голубом платьице на фоне дивного цветущего луга. Смотреть его работы тут же собрались все здешние живописцы – и ближние, и самые дальние. И случайные пешеходы, и художники, и «как бы художники» – все зачарованно взирали на полотна, излучавшие некий магнетизм.

Затянувшееся общее молчание неожиданно нарушил какой-то крупный тип с замашками бывшего гангстера, но в прикиде успешного банкира. Достав из кармана дорогой лопатник, он ткнул пальцем в пейзаж и коротко спросил:

– Сколько?

– Двадцать штук... – столь же лаконично ответил Лунный.

– В баксах? – уточнил экс-гангстер-банкир.

– В рублях, – обронил художник.

Не торгуясь, покупатель сунул ему четыре пятитысячные купюры и тут же ушел, забрав с собой картину. Не успела художественно-зрительская общественность определиться, не подешевил ли Виталий, отдав свою работу за триста с небольшим баксов, как какой-то иностранец с ходу купил себе батальное полотно за те же двадцать тысяч. Живописцы, можно сказать, ахнули, подивившись столь неожиданной прухе. Нет, в самом деле: иные по неделе стоят, а то и по месяцу, прежде чем дождутся своего покупателя. А тут – раз, и в дамки. Минут десять постоял и сорвал сорок тысяч! И тут же всех заинтересовало: а портрет девочки кто-нибудь купит?

Минут пять, десять ждут – никого. Зрители уже начали было рассасываться, как вдруг проходившая мимо женщина в черной косынке, лишь мельком взглянув на полотно, замерла словно вкопанная, потом бросилась к портрету и, плача, спросила Лунного:

– Где вы ее видели? Это же моя Настенька! Доченька моя любимая! Больше месяца назад она умерла, завтра сорок дней будет... – Она со стоном покачала головой, утирая слезы.

Виталий, пожав плечами, сказал ей, что соболезнует ее горю, а девочку несколько дней назад увидел во сне. Она пришла к нему и попросила написать ее портрет.

– Ну, я сразу же сел за работу, пока память удерживала ее черты, – пояснил он. – Вообще-то сегодня ехать сюда я и не планировал – были другие дела, но... Меня как будто что-то заставило отправиться в дорогу. Наверное, это она так решила...

– Сколько вы хотите за этот портрет? – взяв себя в руки, спросила женщина.

Все, кто стоял рядом, разом замолчали, ожидая ответа живописца, заранее предполагая услышать про все те же двадцать тысяч. Но Виталий, грустно улыбнувшись, махнул рукой и чуть слышно сказал:

– Возьмите так... – И тут же добавил: – С умерших денег не берут.

Женщина, поблагодарив художника, осторожно взяла портрет дочери и, что-то ему шепча, медленно пошла по аллее. Зрители, ошарашенные таким щедрым жестом Лунного, молча глядели ей вслед. Первым опомнился Линкс. Оглянувшись в сторону Виталия, на месте он его не увидел. Казалось, что тот беззвучно растворился в воздухе.

– Коллеги, а куда делся Лунный? – удивленно спросил он.

– Вон его «Москвич» отъезжает! – указал рукой один долговязый «фитиль» из начинающих (негласно прозванный Мослом) в сторону вырulingающего со стоянки старого, обшарпанного авто зеленого цвета. – Вот у кого поучиться бы! Какой талантище, какой талантище!.. – мечтательно вздохнул он.

– И часто он потом сюда приезжал? – спросил Гуров.

– Не очень. Так, время от времени, – наморщив лоб, пояснил старик. – Но, скажу вам, каждый его визит был запоминающимся...

Как рассказал он далее, Лунный на Грачихинском бульваре не появлялся месяца по три, а то и больше. Потом вдруг снова возникал. И вот как-то раз Виталий привез на продажу несколько работ. Среди них была одна такая, которая стояла всех прежних. К нему снова сбегались все самодеятельные живописцы, да и прохожих зевак собралось немало.

В ярких сине-голубых и чуть зеленоватых тонах (что напоминало врубелевскую «Царевну-Лебедь») Виталий изобразил размытыми контурами какой-то непонятный, то ли заоблачный, то ли инопланетный, мир, в центре которого стояла, глядя прямо на зрителя, дивная женщина в бело-синих одеяниях. Черты ее лица и контуры тела тоже были какими-то размытыми, как бы сотканными из тумана. Вот только глаза, исполненные неведомой, магической силы, словно пронизывали всякого, кто встречался с ней взглядом...

Дойдя до этого места, Линкс помотал головой, будто отделялся от колдовского наваждения, размашисто перекрестился и продолжил:

– Я первый раз как глянул на его работу, так мне аж не по себе стало, словно я заглянул в какую-то неведомую бездну. Да и все остальные тут же разбежались по своим местам. Ох, и сильная картина! Ощущение было такое, что эта женщина видит меня насквозь, читает все мои мысли и знает обо мне даже то, чего я сам о себе не знаю. В один миг вспомнил я всю свою прожитую жизнь, все свои дела и слова не совсем праведные, захотелось немедленно бросить все и бежать в ближайшую церковь исповедаться батюшке...

– Ходили? – поинтересовался Лев. – Ну, исповедаться?

– Ходил... Вон она, за домами виднеется, – негромко признался «пасечник». – А то, наверное, и спать не смог бы.

– Постойте, так это, я смотрю, православный храм. А вы разве не лютеранин или католик? – вопросительно прищурился Крячко.

– Был. Был лютеранином... – Старик развел руками, словно хотел сказать: «Вот такая она, жизнь!» – Но когда нашел себе невесту, кстати, такую, что лучше и не придумаешь, она оказалась русской. Да еще с таким «бзиком»: мол, согласна выйти замуж, но чтобы через венчание. Я было заикнулся, чтобы обвенчаться в лютеранском храме, но она меня и слушать не пожелала. Сказала: «Ты родился и всю жизнь живешь в России? Значит, русский. А раз так – должен быть православным!» Ну и все... Пришлось окреститься. Вот уже больше сорока лет с ней живем. Трех сыновей нажили. Все, как говорится, «встали на крыло», уже и внуки большие. Но художником не стал ни один. Зато все трое выросли такими русскими шовинистами – о-о-о, только держись! Так вот... Э-э-э-э... Чуть не потерял нить мысли! А, да! Спросил я Виталия, как он назвал свое полотно. И он сказал, что это – «Портрет Вечности». И я тут же понял: да, именно она это и есть! Вечность!

– Картину кто-нибудь купил? – осторожно поинтересовался Стас.

– В том-то и дело, что нет! Почему-то никто не рискнул. Я думаю, это полотно мог бы купить только какой-то особый человек, очень сильный, с запредельными качествами и способностями... – Старик говорил, задумчиво глядя куда-то в облака. – Виталий простоял здесь до самого вечера. Прочие свои картины распродал по «полтиннику» – да-а-а! Потом уехал и «Вечность» с собой увез. Но, понимаете ли, и одного того дня хватило, чтобы тут началась всякая чертовщина! Или, скорее, если можно так выразиться, – «ангеловщина».

– «Ангеловщина»? Это что-то новенькое! – рассмеялся Лев.

– Да, невероятно, но – факт: началось непонятно что. У нас тут был один художник, Саня Тубенин по прозвищу Тюбик. Писал он неплохо, но с перебором того, что ниже пояса. Пошленькие такие работы – голые задницы и кое-как прикрытые интимные органы. «Озабоченные» их хватали, как пирожки горячие. Да он и сам по себе, говорили, бабник был – каких поискать. И вот Тюбик, глядя на этот «Портрет Вечности», вдруг грохнулся в обморок. А когда его привели в чувство, то первое, что он сделал... Вы не поверите!..

– Поверим! – ободряюще улыбнулся Крячко.

– Так вот, он схватил нож и в ключья изрезал все свои работы. О! – Старик вскинул указательный палец и изобразил многозначительную мину. – А потом здесь, на бульварчике, и вовсе перестал появляться. Парни, что с ним дружили, пошли к нему домой, проведать, не случилось ли чего? А там уже живут какие-то совсем другие люди. Они и сказали, что он продал им квартиру, а сам постригся в монахи. Все свои деньги – до копейки! – пожертвовал на монастырь.

– Ого! – присвистнул Стас.

– Но я так понимаю, это было не единственное, так сказать, свершившееся здесь чудо? – сдержанно улыбнулся Лев.

– Вот именно! Не единственное. У еще одного, мы его звали Пикассо – он любил рисовать всякие абстракции, появилось ясновидение. Да! С ходу даже незнакомым людям начал ставить диагнозы, предсказывать судьбу, находить пропавших без вести. Одной женщине сказал, где именно находится ее дочь. Нашла! Прибегала благодарить.

– И где же ее дочь была? – уточнил Станислав.

– На даче у одного своего приятеля. Пили там, да в постели кувыркались. Она и не подумала, соплячка эта, что ее мать уже неделю с ума сходит. Сейчас Пикассо, говорят, подался на телевидение.

– На «Битву экстрасенсов»? – хохотнул Стас.

– Не знаю, может, и туда... А вот наш Мосол получил то, о чем мечтал. Ведь был же – мазюкалка мазюкалкой, без проблеска таланта! А сейчас такие картины пишет – обалдеешь! Идемте-ка к нему! Сейчас сами увидите. Идемте, идемте!

Старик поманил рукой, и приятели пошли вслед за ним к долговязому, мосластому парню, чем-то своим складом фигуры напоминающему кузнечика. Тот, узнав, кто к нему пожаловал, смущенно указал на свое полотно. Там был изображен скачущий табун лошадей. С первого же взгляда было ясно, что писал картину художник весьма незаурядный. От бешеной скачки гнедых и буланых коней нельзя было оторваться. От картины словно веяло горьковато-пряным запахом степной полыни и жарким потом разгоряченных скакунов. Казалось, еще мгновение, и они вырвутся из своего нарисованного мира и, материализовавшись, с бешеным топотом понесутся по московским улицам.

Художник, назвавшийся Игорем, все так же смущенно подтвердил, что он и в самом деле, до того момента как увидел «Портрет Вечности», годился только в маляры. И то весьма посредственные. А всего лишь несколько минут постояв перед полотном Виталия, он вдруг ощутил в себе нечто необычное – умение видеть то, чего не видел раньше, и способность передавать увиденное кистью и красками.

– А где он сейчас, этот Виталий Лунный? – спросил Гуров.

– Умер... – сокрушенно вздохнул Линкс. – Он сюда еще раз пять приезжал. Полотна привозил – супер! Правда, «Портрет Вечности» больше не выставлял. Вот... А месяца через два после того, как он побывал тут в последний раз, я решил съездить к нему, узнать, как он поживает. Было это три года назад. А мне он как-то говорил, что обитает в какой-то деревне Савиновке недалеко от Проклова. Нашел я эту деревню и там узнал, что Виталия несколько дней назад похоронили. Никто не знает, отчего он умер. Он не болел, его не убили – возили

тело на вскрытие, врачи там очень удивлялись – совершенно здоровый мужик, а сердце отчего-то остановилось.

– А где та его картина, про которую вы говорили? – поинтересовался Крячко.

– Тут такая интересная история... Когда Виталия нашли соседи, у него вид был такой, как будто он спал. Но, самое удивительное, он чему-то улыбался, как будто видел какой-то очень хороший сон. «Портрет Вечности» висел на стене, прямо напротив него. Кроме этой, в доме было еще несколько его картин. На столе лежало заверенное у нотариуса завещание и толстая пачка денег – тысяч триста. Картины он завещал передать в тамошний районный краеведческий музей, деньги – на ремонт местной школы, дом просил отдать каким-нибудь нуждающимся.

– А у него что, семьи, родных не было? – озадаченно прищурился Лев.

– Точно не знаю... Но в Савиновке вроде бы не было никого. Откуда он приехал и есть ли у него хоть кто-то из близких – никто не знает. Он о себе никому ничего не рассказывал. Такой вот человек-загадка, – пожал плечами Линкс. – Так что, если хотите увидеть по-настоящему невероятную по своим свойствам картину, – езжайте в Проклово, в тамошний музей краеведения. Она там – я лично видел. И, знаете, музейщики мне признавались, что почему-то побаиваются этого полотна. Говорят, что оно их словно просвечивает рентгеном. Да и все прочие реагируют на него достаточно остро. Вот такие-то дела!

Проснувшись утром следующего дня, Лев некоторое время лежал не двигаясь и, заложив руки за голову, вспоминал вчерашние события. Сначала они со Стасом побывали на стихийном вернисаже самодеятельных художников, где от одного из них узнали немало интересного. Потом пошли в рыболовный магазин и, купив там всякой мелочовки, отправились на Мраморные озера. Прибыв туда, сразу занялись своим излюбленным делом – ловлей рыбы. То ли в этот день сложилась какая-то особенная погода, то ли созвездие Рыб установило над всеми прочими свой однозначный диктат, но язи, лещи и окуни клевали вполне усердно, а щуки и судаки время от времени являли благосклонность к блеснам и воблерам.

Однако, несмотря на свои рыбацкие успехи, говорили опера не о них, а о недавно услышанном от Линкса. Их крепко озадачило рассказанное и стариком, и Пикассо-Игорем. Получалось так, что если поверить обоим этим собеседникам, то нужно было безоговорочно согласиться с тем, что воззрения мистиков – объективны и реалистичны. А не поверить художникам оснований не было никаких – и Линкс, и Игорь смотрелись людьми серьезными и ответственными, не склонными к мистификациям.

– Знаешь, Стас, мне кажется, во всей этой истории нам стоило бы как следует разобраться... – неспешно резюмировал Лев, удачно выудив крупного жереха. – У меня есть вопросы к тому, насколько ненасильственной была смерть Лунного. Да и мистические свойства его картин вызывают вопросы.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Крячко, в очередной раз забрасывая удочку.

– Хочу разобраться, насколько картина Лунного оказывает на людей влияние своим сюжетом, своей цветовой гаммой. Не кроется ли за этим что-нибудь другое?

– Например? – насторожился Станислав.

– Что, если этот Виталий для усиления эффекта, произведенного его картинами, использовал некие дополнительные средства? Например, он мог подмешать в краски какие-то эфирные масла, вызывающие определенный психологический эффект. Человек подходит к картине посмотреть на то, что на ней изображено, и невольно вдыхает испарения эфирных масел. Даже не подозревая об этом, он переживает некие необычные ощущения, впечатления...

– Это чисто твои умозаключения или уже случалось что-то похожее? – не отрывая взгляда от поплавок, поинтересовался Крячко.

– Ну, вообще-то да, что-то похожее уже было... – взмахом спиннинга отправив блесну далеко на простор озера, утвердительно кивнул Лев.

По его словам, как-то уже давно на Западе случайно «спалился» один известный художник. Причем в буквальном смысле. Он писал свои картины в особой, одноцветной манере – одной лишь черной краской. При этом никто не мог догадаться, каким образом ему удастся добиться необычных полутонов темного и светлого серого цвета. Все открылось совершенно неожиданным образом. Один близорукий посетитель, разглядывая на выставке его работы, не выпускал изо рта дымящуюся сигару. Пожелав рассмотреть одно из полотен поближе, он случайно ткнул в него тлеющим концом сигары, и картина тут же полыхнула, обратившись в облако дыма. Как оказалось, в качестве красящего пигмента своей краски живописец использовал дымный охотничий порох.

– Слава богу, пока никто из художников не додумался писать свои картины тротилом, замешанным на нитроглицерине, – смеясь, прокомментировал Стас. – А то пришлось бы того посетителя собирать по частям в разных углах картинной галереи...

– Ага! А саму картинную галерею по частям собирать в разных углах города! – мрачновато пошутил Гуров.

– Лева, – уже вполне серьезно спросил Стас, – ты собираешься провести полномасштабное расследование причин смерти Виталия Лунного?

– Нет, не совсем так. Скорее я хотел бы лично убедиться в том, что художник ушел из жизни по причинам не насильственным. Ну а потом уже решать, как быть дальше. Заодно интересно взглянуть, что там за картина такая загадочная. Понимаешь, дед меня основательно заинтриговал, и я решил лично убедиться в том, насколько она сильно действует на человеческую психику. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Изобразив задумчивую мину, Стас оборонил:

– Это резонно... Я бы тоже взглянул, что там за «чудо-юдо». То есть завтра ты собираешься ехать в Проклово и Савиновку?

– Да, думаю сгонять туда. Но ты, я так понял, тоже подумываешь об этом же? – вопрошительно взглянул на приятеля Лев.

– Да вот пока окончательно не решил – съездить, не съездить?.. – неопределенно пожал плечами Крячко.

– Понимаю... – с трудом сдерживал улыбку Гуров. – Случившееся с неким Саней Тубениным по прозвищу Тюбик наводит тебя на некоторые подозрения: не грозит ли что-то похожее и тебе? Не потянет ли и тебя в монастырь?

Станислав пренебрежительно поморщился и изобразил возмущенный жест рукой.

– Лева! С чего ты это взял?! Да было бы чего бояться! Меня если и потянет в монастырь, то только в женский! Лады! Едем завтра вместе. Чур, на моем «мерине»! – добавил он, вскинув указательный палец.

– Ну, ла-а-а-дно... – великодушно согласился Гуров, изо всех сил сохраняя видимую серьезность. – Хотя... Пстой! Ты же говорил, что у тебя начал постукивать передний левый амортизатор?

– Чего?! – не на шутку рассердился Стас. – Это было две недели назад! Я его давно уже поменял! Ну, Лева... Ты в каком мире обитаешь? – Негромко присвистнув, он пощелкал пальцами, как это делают психиатры при обследовании пациента.

– Охолонь! – иронично урезонил его Гуров. – Вон, лучше туда глянь, – указал на пляшущие поплавки, – рыба уже зажалась, а ты «ля-ля» разводишь!

– Эх, блин! – вскинулся Крячко, хватаясь за ближайшее к себе удилище.

Издав ликующее междометие, он подсек крупного окуня.

– О, какой зверюга полосатый! На кило с гаком потянет... А ты чего стоишь, задумался?

– Да мне, наверное, уже хватит... – Лев поднял увесистый садок с рыбой и добавил: – Эту-то куда девать? И так без конца соседям раздаю.

– Ну, тогда поехали домой! – кинув окуня в свой садок, торжествующе улыбнулся Крячко. – Хорош! С меня на сегодня хватит. Тем более что нынешним вечерочком свидание одно намечается... Такая дива! Кстати, можешь поехать со мной – у нее классная подруга. А? – Заранее зная ответ приятеля, он ернически подмигнул.

– Я вот Марии расскажу, как ты пытался меня совратить! – с интонациями школьного ябеды пригрозил Гуров. – Ох, она тебе и зада-а-а-ст!..

Спутницу жизни Льва, ведущую актрису крупнейшего столичного театра Марию Строеву, Крячко уважал и в глубине души немного побаивался. Будучи обаятельной, очень красивой женщиной, она обладала почти мужским характером. Не случайно одним из ее театральных прозвищ было «Кремень». Мария всего одним своим колким замечанием могла сразить наповал любого брутала.

Смеясь и пикируясь, приятели направились к машине, наблюдая за двумя горе-рыболовами, которые уже больше часа сидели в отдалении без единой поклевки. Увидев, что «рыбное место» освободилось, парни опроретью помчались туда.

Вернувшись уже к вечеру домой, Лев долго возился с рыбой – надо было и почистить, и что-то из нее приготовить, пока Мария в театре. Да, вчера на рыбу ушло часа три, не меньше. Зато благодаря вчерашнему улову сегодняшней завтрак получился супер-пупер.

На следующий день, покончив со всеми утренними делами, Гуров начал собираться в дорогу.

– На работу? – выходя из спальни, поинтересовалась Мария.

– Нет, радость моя, мы сегодня снова выходные! – многозначительно улыбнувшись, известил Лев, снимая с вешалки ветровку.

– А, со Стасом опять на рыбалку... – понимающе покачала головой Мария.

– Опять не угадала! У нас сегодня намечается поездка в одно, как мне кажется, чрезвычайно интересное место. Понимаешь, вчера мы со Стасом познакомились с весьма необычным человеком...

И Лев вкратце рассказал про Линкса, про услышанное от него о Виталии Лунном, о странной трансформации порноживописца Тюбика в инока, а не имеющего никаких дарований мазюкалки Мосла-Игоря – в весьма талантливом художника.

– То есть вы сегодня решили съездить в деревню Савиновку и уездный город Проклово? – глядя куда-то в окно, риторически произнесла Мария.

– Да, в Проклово, – подтвердил Гуров, и тут его осенило: – Слушай! А поехали с нами! А что? На провинцию посмотришь, на прокловский краеведческий музей...

– А поехали! – с какой-то бесшабашной улыбкой махнула рукой Мария. – У меня сегодня как раз день свободный, считай, до самого вечера. Пару минут можешь подождать, пока я соберусь?

Несколько обалдев от неожиданности, Гуров быстро взял себя в руки и торопливо кивнул:

– Да хоть пару часов! Собирайся, не спеши. Стас пока еще не приехал, времени у нас достаточно.

– А мы едем на его машине? – из глубины спальни спросила Маша.

– Видишь ли, вчера на рыбалку мы ездили на моем «Пежо». Поэтому он решил взять реванш и настоял, чтобы в Проклово мы поехали на его «мерине».

– Ну, на «мерине» так на «мерине»! – пробегая мимо него в ванную, хмыкнула она.

Быстро позавтракав и надев дорожный, спортивного типа костюм, Строева объявила:

– Я готова! Кстати, как выгляжу? Ничего?

– Ты – само очарование! – заверил Лев, ни на йоту не покривив душой.

Она и в самом деле смотрелась на «ять» с большущим плюсом. В этот момент зазвонил телефон Гурова. Это был Стас.

– Не разбудил? – с подначкой поинтересовался он.

– Мы с Марией Леонидовной дожидаемся тебя уже с полчаса! – с той же долей иронии официозным тоном проговорил Лев.

На мгновение в трубке воцарилось молчание. Потом, как видно, взяв себя в руки, Крячко откашлялся и ошарашенно спросил:

– Л-Лева, ты ей что, все рассказал?! Я так понимаю, она решила ехать с нами, чтобы тебя проконтролировать? Представляю, что от нее сейчас услышу... Е-мое-о-о-о-о!!!

– Да нет! Она просто решила поехать посмотреть Подмоскowie, побывать в новых местах, где еще не бывала... Чего ты переполошился?

– Ф-фу-у-у-х... Пронесло! Ну, тогда ладно! А то я, блин, дрейфанул: думал, что она сейчас начнет задавать мне «наводящие». Спускайтесь, жду вас!

Гуров и Мария вышли на лестничную площадку и, заперев дверь, направились к лифту.

– Что там за сомнения у Стаса? – чуть заметно улыбаясь, негромко поинтересовалась Маша.

– Он вчера брякнул, что вечером едет к какой-то из своих пассий, у которой имеется подружка, и я мог бы составить ему компанию... А я пригрозил, что об этом расскажу тебе. Ну, у Стаса тут же пропал весь его донжуанский энтузиазм. И вот он теперь боится, что ты можешь его очень крепко «заземлить»... – смеясь, пояснил Гуров.

– Ну, Стас! – входя в кабину лифта, тоже рассмеялась Мария. – Ладно уж... Простим этого «казанову-многостаночника».

Когда они вышли из подъезда, среди крон растущих вдоль дома тополей гулял свежий весенний ветерок. Лев обеспокоенно взглянул на жену:

– Слушай, а может, давай, я тебе что-нибудь потеплее принесу? Ветерок-то вовсе еще не летний. Как бы не простудилась!

Но она лишь беспечно качнула головой:

– Лева, не надо считать меня за неженку! Тем более что поедem в машине, а солнце-то вон уже как пригревает!

Стас, увидев Гурова и Марию, улыбаясь, вышел им навстречу и, по-восточному восхищенно поцокав языком, провозгласил:

– Кого я вижу?! Какую изумительную, какую великолепную женщину! Кстати, Марьюшка, – добавил он, чуть приглушив голос, – этот костюм тебе невероятно идет. Как бы тебя не отбили у Левы!

Крячко специально назвал Марию именем одной из когда-то, еще в начале актерской карьеры, сыгранных ею сказочных героинь, роль которой ей нравилась больше всего. По-дружески коснувшись губами его щеки, Мария улыбнулась и погрозила пальцем:

– Ох, Лис Патрикеевич! Как он мягко стелет! Ладно уж, я на тебя не могу сердиться, даже несмотря на то, что ты периодически пытаешься подбить моего Леву на супружескую измену.

– Но ты должна бы знать, многоуважаемая Мария Леонидовна, – часто закивал в ответ Стас, – что это я специально его провоцирую, вроде того: а не клонет ли он на эту «блесну»? А не ослабла ли его любовь к тебе?

– Ну и как? – Мария испытующе взглянула на Льва.

– О-хо-хо!.. Бесполезно! – Крячко изобразил категоричный жест рукой. – Это – «железный дровосек» номер два! Эх, мне бы хоть немного его постоянства... – уже с искренним огорчением вздохнул он. – Ну что, едем?

И они помчались в сторону северо-восточной оконечности Москвы. Перемахнув через МКАД, вскоре миновали пригороды и теперь ехали по не самой новой, но еще более-менее

сохранившейся дороге. Озирая окрестности, холмы, балки и перелески, Крячко уверенно вел машину и предавался философствованиям на самые разные темы.

– Как же все-таки с течением времени меняется мир! – глядя на проносящуюся мимо «деревню», представляемую почти одними лишь пятиэтажками, риторически недоумевал он. – По этим местам, мимо этого Заманухина, мы слевой как-то уже проезжали. По-моему, лет пятнадцать назад...

– Да, ровно пятнадцать... – подтвердил Гуров.

– Что тут было? Настоящая сельская идиллия! Стояли нормальные деревенские дома, у того вон пруда паслось стадо коров, вон там, в низине, кто-то косил сено, а на том лугу пацаны гоняли мяч. А что сейчас? Пятиэтажки стоят, как казармы. Молодежь разбежалась... Теперь все берут из магазина – овощи, молоко, рыбу... А из чего они, с чем они?.. Молоко – из сои, овощи – с пестицидами, рыба – с антибиотиками и анаболиками... Ну, и к чему мы идем?

– К новым победам технологий! – рассмеявшись, с нарочитой торжественностью объявил Гуров. – Еда – полностью синтетическая, вода – синтетическая, и даже воздух – синтетический! Кстати! Радость моя, ты на «рассуждалки» Стаса внимания не обращай, не воспринимай это за что-то серьезное. Для нашего Гегеля Фейербаховича такие философствования дело обычное, стоит только выбраться за МКАД. Тут сразу же у него пробуждаются провинциальные гены и начинают одолевать мысли о вечном и нетленном...

– Да! – горделиво повел головой Станислав. – В отличие от некоторых «товарисчей», которым все это чуждо и безразлично, я хорошо помню, где мои корни...

– Ты, главное, не забывай, где твоя макушка, и следи за тем, чтобы в нее однажды не клюнул жареный петух! – назидательно воздел указательный палец Лев. – А то наш признанный ревнитель традиционного уклада без конца нарывается на приключения и сам ищет шишки на свою голову. Я не прав?

– Прав, прав, Лева! Ты всегда прав, даже когда вовсе не прав! – ернически парировал Крячко.

Пикируясь и подначивая друг друга, путники ехали еще часа два, пока не увидели впереди, за перелеском, настоящие деревенские крыши и столб с табличкой «Савиновка» у развилки дорог с ветховатым асфальтом.

– О! Кажется, мы приехали! – обрадовалась Мария, глядя на указатель.

– Гм... Я вот что думаю... – Крячко сбавил скорость. – Проклово будет дальше, километрах в двадцати. Первым делом сюда заглянем?

– Да, давай сюда... Почему бы нет? Глянем на Савиновку. О! Стас, гляди-ка! Вон, в леске, стадо ходит... Настоящее! – Лев указал пальцем на нескольких коров, расхаживающих в зарослях ивняка.

– Ха! Тоже мне, стадо! – саркастично фыркнул Стас, сворачивая на развилке вправо. – Полторы коровы – это стадо? Уж хотя бы с полсотни... Впрочем... Здесь и в самом деле деревня – настоящая, деревенская, так сказать. А то, блин, понастряпали черт-те чего – и от земли людей оторвали, и настоящего городского быта не наладили. «Тяп-ляпинг» какой-то...

Въехав в Савиновку, Крячко спросил у первого встречного местного жителя – мужчины лет пятидесяти в камуфляже, – как им найти дом, в котором жил Виталий Лунный. Тот, окинув его удивленным взглядом, нахмурился и настороженно спросил:

– А-а-а... Вы его наследники?

– Нет, мы просто хотели увидеть дом, в котором жил этот художник.

– М-м-м!.. Я-а-а-сно! Дом Виталия Игнатьевича – вон, в конце этой улицы, с правой стороны. Правда, там сейчас живет вдова с четырьмя детьми. У них в позапрошлом году дом сгорел, и сельская администрация отдала его дом им. Он же сам распорядился в завещании, чтобы после его смерти дом передали нуждающимся.

– Скажите, а вот вы спросили, не наследники ли мы? Сюда что, приезжали люди, которые назвались наследниками Лунного? – выйдя из машины, спросил Гуров. – Видите ли... В Савиновку мы приехали просто как интересующиеся его творчеством люди. Но профессионально мы работаем в угрозыске, и нам не совсем понятны обстоятельства его кончины. Хотелось бы как-то с этим разобраться.

Он показал сельчанину свое удостоверение. Тот, взглянув на «корочку», произнес задумчивое «Хм-м-м...» и, потеряв лоб, ответил, осторожно подбирая слова:

– Ну, насчет того, почему он умер, – вы правы. Тут многие до сих пор ломают над этим голову. Он ведь и в гробу-то лежал, как будто спал. И даже улыбался... Его все тут хоронили. Всем селом провожали, как будто своего, самого родного.

– Постойте! Но если он лежал, как будто спал, то, может быть, он и не мертвый был вовсе? Что, если у него была летаргия? Такого не могло случиться, что его похоронили живым? – переглянувшись с Гуровым, спросил Станислав.

Несколько даже отшатнувшись, их собеседник заметно переменялся в лице, мелко перекрестился и пробормотал:

– Господи, помилуй и спаси! Нет, вы знаете, его возили в райцентр на вскрытие. Да! Возили! А после вскрытия он вряд ли в живых мог остаться. Нет, нет, нет! Думаю, он умер – сто процентов.

– А его тело, после того как привезли из райцентра, кто-нибудь осматривал? – продолжал дотошничать Стас.

– Вот этого я не знаю... Это лучше спросить у нашего фельдшера Юлии Васильевны Ризновой. Может, она осматривала? – развел руками сельчанин. – Вон, видите кирпичный домик с шиферной крышей? Это наш медпункт. А что касается наследников... Примерно через месяц после похорон приезжали двое на иномарке. Какие-то вертлявые, дерганые, по морде видно, что «мутные» хлопцы.

– И что они тут делали? – прищурился Гуров.

– Сначала по деревне колесили, вызнавали, где дом Лунного. Сказали, что они его близкие родственники. Ну, мужики наши – и я там тоже был – сразу взяли их в оборот, затребовали у них документы. Они и давай вертеться, как уж под вилами, вроде того: мы его племянники, а вы кто такие, чтобы документы проверять? Ну, мы по телефону вызвали участкового. Они просекли такое дело и сразу как дали деру, только их и видели! Больше никто не появлялся.

Поблагодарив сельчанина за очень важную информацию, Лев на прощание попросил его назвать свои имя и фамилию, а также номер телефона.

– ...Это чистая формальность, так, на всякий случай. Вдруг вы нам еще понадобятся?

– Да никаких проблем. Записывайте! Кирин Михаил Аркадьевич, телефон... – Мужчина сделал паузу. – Записывайте, записывайте!

– Михаил Аркадьевич, я запомню! – усмехнулся Лев.

Издав уважительное «О-о-о!», Кирин назвал номер своего телефона. Обменявшись с ним рукопожатием, Крячко сел в машину и озабоченно пробормотал:

– Блин горелый! Как говорил один тип в «Иване Васильевиче»: меня терзают смутные сомнения. Не хотелось бы и думать о том, что Лунного могли похоронить живым, даже не подозревая об этом... Твою дивизию!..

– О чем ты там, Стас? Кто кого мог похоронить живым?! – не на шутку встревожилась Мария. – О чем вообще речь?

Севший на свое место Гуров поспешил ее успокоить:

– Не надо напрягаться и волноваться! Это не более чем предположение Стаса, что у художника Лунного могла быть летаргия и его по ошибке похоронили живым. Но он, судя по всему, реально умер. Тем более что его возили на вскрытие в районную больницу. Ну а после вскрытия – сама подумай: есть ли хоть один шанс очнуться в гробу? То-то же!

Они доехали до медпункта, который оказался открыт. Правда, Юлия Васильевна – крупная, крепкая женщина с большими серыми глазами – уже собиралась идти по вызовам. Выслушав неожиданных визитеров, она сокрушенно покачала головой:

– Да, я хорошо помню Виталия. Человек был замкнутый и скрытный, но в общем и целом положительный...

По словам Ризновой, пациентом докторов на ее памяти он не был ни разу. То ли никогда не болел, то ли переносил недомогания на ногах. Но как человек был очень отзывчивый, тем, кто нуждался в помощи, всегда старался помочь. Был случай, одной жительнице села срочно потребовались деньги на операцию. Причем достаточно много – более ста тысяч. Обойдя и родных, и соседей, она не смогла набрать и половины требуемой суммы. Но тем же вечером к ней домой пришел Виталий и молча положил на стол ровно двадцать пяти тысячных купюр. На испуганный вопрос сельчанки, чем же ей отдавать такие деньжищи, он негромко обронил:

– Забудь! Деньги только тогда хоть чего-то стоят, когда они помогают жить. В остальных случаях это не более чем бумажный мусор. Про долг и не думай даже вспоминать.

И таких случаев было несколько, когда Лунный был тем единственным, кто оказывал потерпевшим жизненную катастрофу реальную помощь.

– Он и нашей школе какие деньжищи по завещанию оставил! Хоть окна с дверями да полы обновили! Да столов со стульями сколько купили! – Юлия Васильевна вздохнула и поправила на голове цветастую косынку.

Подробностей жизненного пути Лунного она не знала, но посоветовала заехать к местному библиотекарю Таисии Максимчук. По некоторым негласным сведениям (точнее сказать, по слухам), последние несколько лет перед кончиной Виталия она тайком периодически с ним встречалась. И родившийся у нее вскоре после его смерти ребенок, по мнению сельских женщин, был копией Лунного.

– А кто же занял его дом? Там кто сейчас проживает? – поинтересовался Крячко.

– Дальняя родственница Таисии, – пояснила Ризнова. – Но это к отношениям Таисии и Виталия никакого касательства не имеет. Просто получилось так, что, когда Анька была на работе, отчего-то загорелся ее дом. Слава богу, соседи детей успели вытащить из огня. А их у нее четверо. Вот сельским сходом и решили отдать ей дом Лунного.

Уже собираясь уходить вместе со всеми, Стас неожиданно остановился и, хлопнув себя по лбу, спросил врача, осматривала ли она тело Лунного после того, как его возили на вскрытие. Несколько растерявшись, Юлия Васильевна пояснила:

– Понимаете, его привезли из морга, как это и полагается, уже в костюме, в гробу... Ну-у... Там же его должны были вскрыть – это же не шарашка какая-нибудь, а районная больница. Поэтому я никогда не проверяю, что и как вскрывали патологоанатомы. Да это и не принято вообще-то...

Уточнив, как найти Таисию Максимчук, компания отправилась в центр села, где в пристройке к конторе администрации была оборудована библиотека. Когда сразу трое взрослых людей, явно прибывших из столицы, появились на пороге этого тесноватого «очага культуры», библиотечарша – среднего роста молодая, миловидная женщина в темно-сером платье и очках – удивленно воззрилась в их сторону. Других посетителей в этот момент в библиотеке не было, поэтому, хоть и не очень охотно, Таисия ответила на вопросы гостей.

По ее словам, с Виталием Лунным, который в Савиновке появился лет десять назад, отношения у нее сложились очень близкие. Началось это с того, что он захотел написать небольшое сюжетное полотно «Сельская библиотека». По его мнению, внешние данные Таисии как нельзя лучше подходили под образ типичного сельского библиотекаря. И он написал эту картину. При этом продавать ее не стал, хотя выставлял на вернисаже в одном из подмосковных городов. Это полотно сразу же привлекло зрительское внимание, и даже нашелся покупатель. Однако Виталий привез его обратно в Савиновку и подарил своей натурщице. В ходе разговора Таисия

нехотя призналась, что последние несколько лет их с Виталием отношения стали более чем близкими, и что второй ее ребенок – сын Лунного.

Первого она родила от парня, которого призвали в армию весной две тысячи восьмого года. Они были одноклассниками, встречались чуть ли не с пятого класса. После школы он поступил в техникум, они собирались пожениться. Но из-за драки с двумя пьяными сынками «больших людей» Алешку из техникума исключили и призвали в армию. Было это весной, а в августе того же года он погиб, убитый саакашистами выстрелом в спину. Таисия даже не успела сообщить ему, что он стал отцом. Когда Алешку привезли в солдатском гробу, ей подумалось, что вместе с ним хоронят все то, что она считала счастьем. И теперь в ее жизни счастья больше никогда не будет.

Но потом в селе появился Виталий... Когда разговор зашел о его прошлом, Таисия без особой охоты призналась, что Лунный – уроженец Карелии, но оттуда ему пришлось бежать, спасаясь от тамошнего криминала. Случилось так, что он стал свидетелем ДТП, в ходе которого владелец новенького «Гелендвагена» насмерть сбил переходивших перекресток на зеленый сигнал светофора молодую женщину и ее дочку. Выйдя из машины и увидев, что женщина с девочкой лежат недвижимо и, скорее всего, мертвы, лихач трусливо смылся с места происшествия. Обладая фотографической памятью, Виталий запомнил номер машины и лицо убийцы. Придя в полицию, он сообщил его данные, в том числе и номер лимузина. И только тут выяснилось, что виновник ДТП – главарь местной криминальной группировки, промышленной браконьерской вырубкой леса.

После того как Лунный на суде дал свидетельские показания, бандиты начали за ним охоту. Вот и пришлось ему срочно уехать в Подмосковье. Уже там он узнал, что главаря от ответственности «отмазали», и он уже вышел из СИЗО на свободу. Но желания мстить у этого подонка не убавилось. Скорее наоборот, окончательно уверовав в свою безнаказанность, он теперь жаждал разделаться с «доносчиком». И разделался бы (Лунному несколько раз на телефон приходили звонки кого-то из подручных главаря с угрозами и обещанием «снять шкуру»), если бы тот сам не нарвался на подмосковный криминал.

К Виталию как-то раз приехали двое граждан на дорогом внедорожнике и спросили, не может ли он написать портрет одного «весьма уважаемого человека»? Виталий согласился, и визитеры повезли его на какую-то очень богатую виллу. Как в дороге пояснили представители заказчика, их шеф – президент крупной консалтинговой фирмы. Вознаграждение Лунному было обещано приличное, поэтому он с ходу приступил к работе. Заказчик, представившийся как Юрий Андреевич, позировал, не отрываясь от своих текущих дел. Он то и дело отвечал на телефонные звонки, кому-то звонил сам, поэтому постоянно находился в движении. Худой и жилистый, он без конца вскакивал на ноги и, бегая по кабинету, который на обозримое время стал художественным салоном, обсуждал какие-то свои и чужие проблемы.

Причем, как не мог не заметить Виталий, многие вопросы, решаемые заказчиком, относились к самым разным сферам и сторонам жизни. С одним Юрий Андреевич толковал о каких-то откатах, с другим – о нежелании какого-то Феди Уральского платить свою долю в общак, с третьим обсуждал вопросы обеспечения братвы толковыми адвокатами. Иногда в кабинете появлялись какие-то ходоки со своими просьбами. Один из них более прочих обратил на себя внимание. Он плакал так, что едва мог говорить. С большим трудом удалось понять, что некие «чумари» потребовали с него дань, а чтобы он был стоворчивее, в заложники взяли его малолетнюю дочь.

«Президент компании» тут же отдал кому-то распоряжение по телефону:

– Коля, меры прими. Чумаря ко мне!

Полчаса спустя в кабинет на коленях вполз верзила с разбитым, распухшим лицом и, стукнув лбом в пол, слезливо заголосил:

– Юрий Андреич, прости! Бес попутал! Больше не повторится – клянусь! Дай шанс исправить! Все, все, что скажешь, сделаю!

– Сделай... – лаконично обронил хозяин кабинета. – Сколько будешь должен – понял?

– Да! Да! Да! – торопливо закивал тот. – Все погашу, все! Из шкуры вылезу вон, но – погашу!

– Это хорошо, что все так понимаешь, а то тебе могут помочь вылезти из шкуры... Свободен! – Хозяин кабинета указал пальцем на дверь.

Продолжая кланяться, верзила, пятась, быстро ретировался. Молча подойдя к Виталию и некоторое время понаблюдав за его работой, заказчик издал одобрительное «Угу!», – и негромко произнес:

– Я надеюсь, вы понимаете, что не все здесь увиденное и услышанное для посторонних ушей?

– Я – работаю. Ничего не вижу и не слышу... – не отрываясь от мольберта, ответил Лунный.

– Это хорошо. Но, как мне кажется, вас что-то угнетает. Это не связано с моим заказом? И тут у Лунного мелькнула шальная мысль: а что, если взять и рассказать?

– Нет, Юрий Андреевич, это связано с моими личными проблемами... – вздохнул он.

Виталий поведал о том, что с ним произошло в родных краях. Присочинил лишь, что погибшая якобы была его тайной «присухой» (хотя на самом деле он видел ее впервые, в момент ДТП). Молча выслушав его повествование, хозяин кабинета кому-то позвонил и приказал:

– Леха, с Козырем перетри насчет наездов на живописца. Эти умники пусть не вздумают беспределить на нашей территории!

Прошло около часа. Заказчик продолжал принимать посетителей, чьи-то звонки, по каким-то вопросам кому-то звонил сам... После одного из поступивших звонков он, как о чем-то обыденном, небрежно известил Лунного:

– Все, тема закрыта...

И в самом деле, Виталию больше никто не звонил. После того заказа он писал портреты еще нескольких «тузов» (то ли бизнеса, то ли замаскированного под бизнес криминала), за что получал неплохие деньги.

– А что же он не купил себе нормальной машины, а продолжал ездить на дряхленьком «Москвичке»? – недоуменно поинтересовался Крячко.

Вздыхнув, Таисия пояснила, что Виталий все заработанные деньги тратил на детские дома и помощь обездоленным семьям с детьми. По ее словам, Лунный и сам был детдомовским. Поэтому деньги у него не залеживались, сразу уходили по каким-то конкретным адресам. Жил он очень скромно – по-спартански, питался большей частью тем, что выращивал на своем огороде. Когда заболел ребенок у одной небогатой семьи, потребовалось почти полмиллиона на лечение. Узнав об этом, Виталий в срочном порядке написал две картины, продал их за большие деньги и оплатил лечение ребенка...

Он и с первой-то женой отчасти разошелся именно из-за этого. Вернее, она сама от него ушла. Как однажды Таисии рассказал Лунный (он лишь ей рассказывал о себе и своей прошлой жизни), супругу в нем раздражало постоянное «растражиживание» заработанного. Она считала его помощь детдомам и отдельным людям пустой, никчемной тратой денег, поскольку ей хотелось иметь новую мебель, машину, хорошую шубу... Раздражала ее и постоянная тяга Виталия к одиночеству. Детей у них не было, поэтому они и расстались легко, без скандалов и дележа имущества – он оставил ей все, что было, и ушел с одним чемоданом.

– Так у него что же, вообще-вообще никого нет? – стиснув руки, сочувственно спросила Мария.

– Он даже не знает, кто его мать, как ее фамилия, – с печалью в голосе ответила Таисия. – Его нашли на крыльце районной больницы в тоненьком стареньком одеяльце. А уже была поздняя осень. Крыльцо ледяное... Если бы не бродячие собаки, он бы умер от переохлаждения.

– Собаки?! – разом спросили Лев и Станислав.

Таисия чуть развела руками, подтвердив, что жизнь Виталию и в самом деле спасли бродячие псы. Ребенку, подобрешенному на крыльцо больницы, было от роду день-два – считай, только что на свет появился. Но он все равно лежал молча, не хныкал – уже тогда давал себя знать его характер. И тут вдруг откуда-то появилось несколько здоровенных бесхозных барбосов. Видимо, когда они пробежали мимо, их что-то остановило. Остановившись перед крыльцом, псы подняли громкий лай. Дежурная медсестра решила узнать, что там такое, и вышла проверить. Глянула и обомлела: перед ней на ледяных досках крыльца лежал ребенок. Ночь была лунная, поэтому врачи и дали ему фамилию – Лунный. А Виталием назвали потому, что Виталис по латыни – «жизненный».

– Его никто не усыновлял? – поинтересовался Гуров.

– Нет, он очень часто болел. Видимо, все же крепко застудился, пока лежал на ледяном больничном крыльце.

По мнению Таисии, именно болезни малыша помешали ему найти себе семью – многие ли из усыновителей рискнут взять болезненного ребенка? И не потому, что это доставляет много хлопот. Нет! Просто люди опасались, что если он, не дай бог, умрет, то усыновителям потом будет очень трудно доказать, что никакой их вины в этом нет. А другого ребенка им тогда могут не дать вовсе. Но он выжил, несмотря ни на что. Постепенно, когда уже ходил в школу, подрос, окреп. Но к той поре он уже и сам не желал быть усыновленным. Он уже тогда по своему характеру был волк-одиночка. Нравы в детдоме далеко не тепличные, Виталию часто приходилось драться и со сверстниками, и с теми, кто постарше. Но даже если противник оказывался сильнее и Лунный был бит, он никогда не плакал и не бегал жаловаться. Снова шел в бой и, невзирая на синяки и ссадины, заставлял своего недруга позорно бежать.

Когда Лунный служил в армии, то попал в Афганистан, в мотострелки. В то время уже началась горбачевская перестройка, и близился вывод наших войск. Но до самого дембеля ему довелось повоевать немало – он все два года участвовал в боях с душманами, несколько раз был ранен. Поэтому тема Афганистана тоже нашла свое место на его полотнах. Однажды Таисия зашла к нему в гости и увидела большую картину с афганским сюжетом. Это было что-то невероятное... Только лишь взглянув, она тут же ощутила всем своим существом, что такое афганская война. На нее из неведомых афганских далей словно пахнуло пороховым дымом, пылью, пустынной пылью, сумасшедшим солнечным жаром...

– А где эта картина сейчас? – спросил Крячко.

– В районном объединении воинов-интернационалистов. Наши местные «афганцы» узнали про его полотно и приехали посмотреть. И знаете – это я видела сама: стоят перед картиной взрослые мужики, а у них на глазах слезы... Потом спросили его, мол, скажи, сколько стоит – мы купим. Но он им ее так подарил, сказал, что со своих денег не берет.

– А он, как бывший «афганец», в их объединении не состоял? – поинтересовался Гуров.

– Ну, он же вековечный одиночка... – покачала головой Таисия. – Правда, потом, после того как подарил картину, иногда к ним наезжал.

– А что на ней было изображено? – негромко спросила Мария.

– Бой, схватка с душманами. На переднем плане лежит смертельно раненный мальчишка-срочник. Он смотрит в небо, но, глядя на его лицо, сразу понимаешь, как ему хочется жить, как он хочет напоследок увидеть маму... – Таисия тягостно вздохнула.

Виталий ей рассказывал, что до Афгана он рисовал весьма посредственно. Он считал, что талант в нем пробудился после третьего, самого тяжелого, ранения. Лунный не помнил, что с ним было и где он был, когда его накрыло залпом душманского миномета. Никаких «свето-

вых туннелей» не запомнил – ничего. Была лишь одна чернота, непроглядная темень, полное небытие. А когда очнулся, увидел лежащий рядом с ним на тумбочке карандаш и листы бумаги – все это оставил кто-то из выписавшихся раненых. И ему вдруг очень захотелось нарисовать все то, что он видит в окно. Кое-как приподнявшись, он взял с тумбочки бумагу, карандаш и нарисовал. Все, кто был рядом, от удивления впали в ступор – как здорово у него получается. Вот так, был уверен Лунный, он и стал художником...

На вопрос Станислава, осматривала ли Таисия тело Виталия в гробу после того, как его привезли из центральной райбольницы, находила ли она следы вскрытия, женщина лишь беспомощно развела руками:

– Нет, это было выше моих сил. Ну, так районные врачи же дали свое заключение? В бумаге было написано, что смерть наступила из-за остановки сердца.

Немного поколебавшись, она призналась, что ей и поныне чудится, будто Виталий хоть и умер, но все равно каким-то чудом до сих пор жив.

– Понимаю, что это не так, что его нет, а услышу где-то за окном чьи-то шаги, и – сердце аж заходится: он идет!

– М-да-а-а... – Крячко ущипнул себя за мочку уха. – Все же напрасно вы его не осмотрели... А что, если его не вскрывали? И если он выглядел спящим, то с похоронами стоило бы и повременить...

Слушая его, Таисия вдруг побледнела, ее глаза расширились, и она, покачнувшись, едва не упала на пол. Опера вовремя успели подскочить к ней с обеих сторон и подхватить под руки, после чего осторожно усадили на диван. Прижав руки к груди, Таисия, покачала головой:

– Вы подозреваете, что его могли похоронить живым? О боже!.. Вообще-то я и сама не раз об этом думала! Но гнала эти мысли прочь, вроде того, пустая бабская блажь. А сейчас вот вдруг осознала: а ведь он и в самом деле был жив! Господи! Почему я им поверила? Почему их не остановила?!

– «Их» – кого вы имеете в виду? – уточнил Гуров.

– Местное начальство. Когда Виталия отвезли на медэкспертизу, наш староста Степаных – мужик он тут авторитетный, конкретный – сразу всей деревне объявил: завтра Витальку привезут, завтра же его и похороним. Я хотела вмешаться, но... Кто я Виталию? Встречались мы с ним тайком – он не хотел огласки. И что бы я сказала? Мне кажется, что он жив? Ну, покрутили бы пальцем у виска... А его и в самом деле похоронили живым – это я теперь точно поняла. Скажите, это ведь правда, что те, кого похоронили живыми, в гробу переворачиваются, чтобы надавить спиной на крышку гроба и попробовать выбраться?

Приятель молча переглянулись, и каждый в глазах другого прочитал: «Вот, надо же было затронуть эту тему! И что теперь делать?! Как бы от переживаний рассудком не повредилась...»

Словно подтверждая их мысли, Таисия чуть слышно произнесла:

– Я же теперь жить не смогу!.. Я с ума сойду, думая о том, что Виталию могли похоронить живым. О боже! Слушайте... Вы же в полиции работаете? Вы мне не можете получить разрешение на то, чтобы... Ну, как это называется? Ну, когда умершего выкапывают?

– Вам нужно разрешение на эксгумацию его тела? – понимающе переспросил Лев.

– Да, да! Именно так! Вы можете?

– Таисия Николаевна, – покачал головой Стас, – а для чего вам это нужно? Ведь в любом случае он... не жив. Что вам это даст?

Чуть раскачиваясь из стороны в сторону, женщина сбивчиво пояснила, что все она понимает, но ее невыносимо гнетет и мучает вопрос: был ли он жив в момент погребения? Если не был, то она закажет в церкви большой молебен и будет дальше жить спокойно, с облегченной душой. А если нет... Да, разумеется, для нее это станет страшным ударом. Но она хотя бы перестанет терзаться неизвестностью.

– От кого-то я слышала такое выражение: лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Для меня лучше будет пережить этот ужас, отплакать, откричать... Но это в любом случае будет означать конец неизвестности. Вы можете? – жалобно спросила Таисия.

– Да, мы поможем! – твердо пообещал Лев, проигнорировав запредельно недоуменный взгляд Станислава (зачем обещаешь невыполнимое?!). – И пара последних вопросов. Если у вас с ним родился общий ребенок, почему вы не жили вместе? За день, за два до того, как он умер, вы не припомните, к нему кто-то приходил?

Таисия пояснила, что несколько раз предлагала Виталию переехать к ней – у нее и дом побольше, и быт получше налажен. Но причина его нежелания была все та же: он был и хотел остаться одиночкой, так как с юности привык жить один. Ну, а она, уловив в Лунном такие черты, как нелюдимость и склонность к полному одиночеству, даже забеременев, старалась их отношения не афишировать. И даже родив, никому не сказала, кто отец ребенка. Хотя, если по совести, это было своего рода «секретом Полишинеля» – вся деревня и так знала, от кого она родила второго.

– Знаете, мне хватало и того, что мы с ним время от времени встречались. Мне не надо было просить его о помощи – он сам как будто чувствовал, когда мне нужны были деньги. Кстати, на первого моего сына Ванюшку он всегда давал денег, как своему родному. И игрушки ему покупал, и к школе помог собраться... А что касается посторонних, кто мог побывать у Виталия перед тем, как его не стало, то я, к сожалению, те два дня постоянно была в бегах. То работа, то Ванюшка сильно ушибся, сидела с ним... Хотя да, я слышала, что к нему кто-то приходил... Знаете, если вас это интересует, я обязательно всех в деревне расспрошу – вдруг кто-то это вспомнит? Только, пожалуйста, не забудьте о моей просьбе...

Оставив ей визитку, компания отправилась в Проклово. И даже когда Савиновка осталась далеко позади, в машине продолжался еще там начатый разговор. Крячко, лишь только сев в свое авто, с упреком спросил у Льва:

– Лева, ну, зачем ты пообещал этой бедолаге эксгумацию? Ты же сам знаешь, какие с этим осложнения! А она теперь будет надеяться...

– А я пообещал не с пустого... У меня появилось подозрение, что Лунного могли отравить, тем более что есть кому его ненавидеть и желать ему смерти. Поэтому в Проклове сейчас надо будет встретиться с медиками и выяснить результаты вскрытия. Если только оно проводилось. Заодно пообщаемся нашими здешними коллегами. Ну, и в музей, понятное дело, побываем... – с улыбкой взглянул он на Марию, задумчиво смотревшую в окно.

– То есть ты решил взяться за это дело... – В голосе Стаса звучали нотки упрека и некоторого разочарования.

– Да, скорее всего... – уверенно кивнул Гуров. – Правда, не знаю, как на это посмотрит Петро. Но, на мой взгляд, эксгумировать Лунного нужно обязательно – пусть его исследует Дроздов. И если в его останках обнаружится яд, какой-нибудь токсин, то тогда надо будет возбуждать уголовное дело по статье «Умышленное убийство».

Пожав плечами, Станислав издал неопределенное «Хм-м-м-м...», после чего с сомнением в голосе спросил:

– А ты уверен, что через три года в останках Лунного еще хоть что-то можно найти? Я понимаю, что неорганические яды, типа соединений ртути и мышьяка, выявить можно и через тридцать, и через триста лет. Но если его отравили чем-то типа опиатов? Они за три года в трупе сохраняются?

– Знаешь, хороший эксперт сможет выявить все, что угодно, – убежденно парировал Гуров. – Помнишь, был случай, когда отравили банкира Отпорова? Прошло два года, как его похоронили, а наша лаборатория все равно смогла установить наличие следов ядовитого вида гриба паутинника. И его жена с любовником сели как организаторы и исполнители убийства. Посмотрим! Мне кажется, тут тоже что-то должно нарисоваться.

Он повернул голову к Марии и спросил:

– Наверное, уже жалеешь, что поехала с нами? Да, в нашем деле оптимистичная информация бывает редко. Чаще – сплошной негатив...

– Нет, не жалею... – На лице Строевой промелькнула слабая тень улыбки. – Даже наоборот, почувствовала себя причастной к реальной жизни, ко всем ее сторонам. Да, и к грустным в том числе. Наверное, надо почаще ездить в провинцию и знакомиться с жизнью тех, кто там проживает постоянно. Я только сейчас ощутила, как далеко все это от нашей, я бы так назвала, «пластмассовой» столичной жизни. Здесь если любят – так любят, если ненавидят – так ненавидят. Я только сейчас вдруг уловила, какой должна быть моя героиня в нашей новой постановке. Я долго искала ее образ и никак не могла найти. А тут – вот он, готовый, как бы созданный для сцены: простая сельская библиотекарша Таисия, пережившая две жизненные драмы, потерявшая двух любимых мужчин...

«Мерседес» Станислава проворно мчался по растресканному асфальту третьеразрядной внутрирайонной трассы. Мимо проносились пруды и озерца, над которыми кружились какие-то птицы наподобие луговых чаек. Уже покрывшиеся густой зеленью перелески колыхались под порывами ветра. По виднеющейся в отдалении железной дороге длинной зеленой гусеницей катил поезд... Еще минут через десять пути впереди показались ряды пятиэтажек. Взглянув через салонное зеркало заднего вида на Марию, Крячко поинтересовался:

– Ну, и куда мы для начала двинемся? Я бы поехал к эскулапам... Или в музей?

– Да нет, едем к лекарям... Где тут центральная райбольница? – Гуров сунул руку в карман, но Мария его опередила:

– Уже ищю... – пошарила она в своем смартфоне. – Вот, улица Сосновая, если смотреть по интернет-карте – больница где-то в самом ее конце. Нам сейчас нужно ехать прямо, потом на улице Клары Цеткин свернуть вправо, затем снова влево, на Сосновую.

– Оч-чень хорошо! – прокомментировал Станислав, оглябая маршрутный автобус, остановившийся у павильона автобусной остановки для высадки и посадки пассажиров.

Главврач райбольницы визиту оперов очень удивился и даже несколько был им встревожен. Он внимательно выслушал неожиданных гостей, которых с какой-то стати заинтересовали обстоятельства кончины и погребения жителя заурядной деревни, пусть даже он и самодеятельный художник. Нет, в самом деле! Тут, случается, такие люди прощаются с этим миром!.. О-о-о! И крупные бизнесмены, и чиновники, и (что уж там лицемерить?!) крупные представители криминального мира... Их смерть – это да, это событие! А десятки и сотни кончин рядового сословия – это всего лишь заурядная, скучная статистика...

Но тем не менее он старательно ответил на вопросы визитеров, хотя и несколько пространно, с некоторым даже пафосом. По его словам, сам он не в состоянии чисто физически контролировать патологоанатомическое освидетельствование каждого усопшего. Их в иные дни (преимущественно после праздников) везут по несколько человек. А специалистов такого профиля – поди поищи! А три года назад, когда умер тот савиновский художник, здесь и вовсе работал выпивоха и бездельник. Он мог по несколько дней вообще не появляться на работе. А потом, когда все-таки выходил, проводил вскрытия «ускоренно-групповым» методом. Это означало, что он лишь формально осматривал тела и, якобы проведя вскрытие, писал «потолочные» заключения. Поэтому не редкостью было такое, что погибший в ДТП оказывался умершим от цирроза печени, а жертва падения с высоты – скончавшимся от рака легкого.

– В прошлом году мое терпение лопнуло, и я его с треском выставил с работы. Благо удалось найти другого специалиста. Поэтому дать гарантии на сто процентов, что художник из Савиновки был вскрыт, я никак не могу. Может быть, его и в самом деле не вскрыли. Может быть! Не исключаю... – сокрушенно развел руками главврач.

Опера вышли из административного корпуса крайне раздосадованными и раздраженными. Так или иначе, но их худшие предположения подтвердились. Мария, которая осталась

сидеть в машине, по их виду сразу поняла, что результаты визита далеки от того, какой они ожидали. Узнав о том, что ситуация с уточнением факта смерти Лунного осталась неопределенной, она тоже не на шутку огорчилась и чуть слышно произнесла:

– Выходит, его и в самом деле могли похоронить живым?

– Чисто теоретически! – попытался успокоить ее Гуров. – Реально это было и остается под большим вопросом!

– Лева, я все это понимаю... – На лице Марии промелькнула грустная улыбка. – Но душа у меня все равно не на месте. Она словно попала в какие-то тиски и не может из них вырваться. Теперь я тоже буду настаивать на том же, на чем настаивала и Таисия: вскрыть могилу и проверить, отчего и как умер Виталий Лунный. Хорошо? Если получится так, что Петр Орлов будет против, скажи, что я тоже на этом настаиваю. Если, конечно, мое мнение для него что-то значит...

– Твое мнение?... – многозначительно хохотнул Крячко. – Да твоё мнение для него значит намного больше, чем мнение нас обоих севой. Честно, честно! Так что я тоже это предложение поддерживаю. И считаю, что нужно выполнить эту процедуру не позже чем завтра. Вот так! А то, может быть, и сегодня...

Следующий свой визит они нанесли в Прокловский райотдел. Здесь тоже были несколько ошарашены прибытием представителей главка. Из-за этого здание райотдела на какое-то время превратилось в разбуженный улей. Из кабинета в кабинет потянулись слухи и слушки. Всяк на свой лад интерпретировал то, ради чего к ним приехали «столичные шишки». Из разговора с начальником ОВД – молодежавым, чернявым подполковником опера узнали, что здесь вообще не в курсе дела, что творилось и творится в Савиновке. Общий смысл сказанного подполковником сводился к одному: ну, есть же там участковый, ну вот, к нему и все вопросы. Хотя... Тот участковый, что работал три года назад, давно уже уволился и уехал в другие места. А тот, что работает сейчас, – совсем зеленый пацан, который едва смог изучить свою подведомственную территорию. Да и то, скорее всего, не до конца.

– Поверьте, рад был бы вам помочь, но... Даже не знаю чем! – огорченно развел руками подполковник. – Но обещаю, что этот вопрос обязательно возьму на заметку, и если мне что-то удастся выяснить, сразу же вам сообщу.

Оставив и ему свои визитки, опера и Мария отправились в местный музей краеведения. Немного попетляв по улицам, они остановились в старой части города у двухэтажного особняка старинной постройки с табличкой на стене, извещавшей о том, что когда-то это был дом купца второй гильдии Никифора Хомякина. Здание музея располагалось в центре заброшенного парка и поэтому со всех сторон было окружено зеленой стеной разросшихся кленов. И хотя за этот день всевозможных «сюрпризов» выпало уже немало, здесь их тоже ждало нечто неожиданное. Когда они, подрулив к парадному входу, вышли из машины и направились к массивной дубовой двери, сработанной мастерами еще позапрошлого века, им навстречу опрометью вылетела женщина, которая трясущимися руками начала запирать ее на замок.

– Ну вот! А мы хотели посмотреть, что тут у вас интересного... – со значением в голосе проговорил Станислав.

– Простите, но мне сейчас не до этого! – нервно поворачивая ключ в замке, ответила женщина. – Я только что обнаружила крупную кражу! Вы представляете, какое у нас ЧП?! Я уже вызвала полицию. Так что сегодня, уж извините, никаких экскурсий! Господи, господа! Что за несчастье?!!

Опера переглянулись между собой, начиная смутно догадываться, что именно было похищено.

– Обалдеть, какой «прикол»! – доставая из кармана служебное удостоверение, вздохнул Крячко. – Ну, вообще-то мы тоже из полиции! Главное управление угрозыска: полковник Крячко, полковник Гуров.

– И вы тоже из полиции? – с сомнением в голосе спросила женщина, окинув взглядом Марию, которая тоже вышла из машины.

– Нет, это прима московской сцены Мария Строева... – деловито пояснил Стас.

Глаза только что безутешно стенавшей женщины изумленно расширились, на лице появилась растерянно-радостная улыбка, и она с каким-то даже благоговением воскликнула:

– Вы – Мария Строева?! Боже! Мне ведь никто не поверит, если скажу, что у нас побывала сама Мария Строева! Здравствуйте, добро пожаловать! Я – директор музея Ворчунова Анна Романовна. Господи, какая приятная неожиданность... Мария Леонидовна, а мы могли бы с вами сфотографироваться? Этот снимок, поверьте, стал бы одним из самых популярных экспонатов нашего музея!

Судя по всему, ее настолько ошеломил визит актрисы Строевой, что она мгновенно забыла обо всех горестях и печалях в связи с произошедшей кражей.

– Хорошо, я согласна! – улыбнувшись, кивнула Мария.

Они с директоршей встали рядом на фоне большого куста жимолости, и Гуров, взяв планшет Ворчуновой, сделал несколько кадров.

– Мария Леонидовна, – не на шутку расхохоталась директор музея, – а я могла бы вас попросить сделать запись в книге почетных посетителей? У нас там уже есть космонавт Веселовский, хоккеист Таранов. И... Если вы, конечно, согласитесь, то мы будем иметь счастье видеть и ваш автограф.

– Разумеется, я сделаю запись... Только для этого нам сначала надо бы войти внутрь... – Мария снова улыбнулась и, чуть пожав плечами, указала на входную дверь.

– Ну, конечно, конечно! – Ворчунова, как видно, уже напрочь забыв о похищенной картине, открыла замок и распахнула дверь настежь. – Сегодня у нас выходной, но я так рада, что пришла сюда, иначе мы бы разминулись.

Все вместе они вошли в просторный вестибюль, где стояло несколько просторных шкафов-витрин, в которых экспонировались изделия здешних предприятий и творения местных умельцев по гончарной и кузнечной части, а также резчиков по дереву. Окинув взглядом деревянные скульптурки и расписные глиняные горшки, Мария оценила их однозначным:

– Великолепно!

Достав из сумочки авторучку, в толстой книге с красными массивными обложками, которую директорша музея достала из стеклянного, запертого на ключ шкафа, на свободной странице она вывела своим аккуратным, красивым почерком: «Мои наилучшие пожелания городу Проклово, всем жителям этого замечательного района, а также хранителю исторической памяти этой земли – Прокловскому музею краеведения и его руководителю – Ворчуновой Анне Романовне. Всем здоровья, удачи и новых творческих побед! Мария Строева».

Заглянув на предыдущие страницы, где были записи космонавта и хоккеиста, она с улыбкой просмотрела пожелания своих предшественников и, одобритительно кивнув, повернулась к Ворчуновой:

– Ну, вот, как бы все... Я длинно писать не умею...

– Огромное вам спасибо, все сказано замечательно! – восхитилась директор музея. – Я вам очень благодарна, что вы нашли возможность к нам заглянуть. Вы знаете, когда я обнаружила, что картины нет, то со мной чуть не приключился инфаркт. А вот вы появились, и сразу отпустило... Кстати, а вы ведь тоже, я так поняла, люди в своих кругах известные и уважаемые? – вопросительно взглянула она на Гурова и Крячко.

– Спрашиваете! – Стас привольно расправил плечи и воодушевленно заговорил с восторженным пиететом: – Да Лев Иванович, можно сказать, живая легенда угрозыска. Для него нет дел, которые он не мог бы раскрыть!

– Станислав Васильевич как всегда скро-о-мничает... – с веселой мстительностью посмотрел на Стаса Лев и продолжил: – Все норовит остаться в тени... А ведь большая часть

того, что мне удалось сделать, принадлежит ему! Ему, нашему несравненному оперу, в сравнении с которым и Шерлок Холмс, и Мегрэ – слабаки и дилетанты. Так что, если говорить о легендах, то это еще вопрос – кто из нас в большей степени заслуживает такой оценки...

– Как здорово! – восхитилась Ворчунова, даже не заметив этой пикировки. – Тогда очень бы просила и вас обоих тоже оставить свои автографы.

Стас, край, как не любивший сочиняловщины, с неохотой взял со стола авторучку и несколько коряво вывел на толстой муаровой бумаге: «Счастлив увидеть Проклово. Полковник Станислав Крячко». Закончив писать, он, с многозначительной усмешкой подмигнув, протянул авторучку Гурову, как бы говоря: ну, давай, давай, покажи свой сочинительский талант! С невозмутимым видом тот спокойно написал: «Восхищен. Полковник Гуров». Положив авторучку, он вежливо обратился к Анне Романовне:

– А вы не могли бы рассказать нам о пропавшем полотне и обстоятельствах его похищения?

Кивнув, та посетовала, что пропало одно из самых выдающихся полотен местного самодеятельного живописца Виталия Лунного – «Портрет Вечности». Вместе с тремя другими полотнами оно досталось музею по завещанию автора. И, что интересно, очень скоро эти картины стали, можно сказать, гвоздем всей здешней музейной экспозиции. Если ранее, как это часто бывает в провинциальных музеях, за день здесь появлялось не более десятка человек, то с некоторых пор местные жители стали ходить сюда, что называется, косяками.

– На картины Лунного иные готовы были смотреть часами. И, разумеется, больше всего зрителей было у «Портрета Вечности»... – сокрушенно вздохнула она. – Но потом по ряду причин нам пришлось это полотно убрать в запасник. Как-то сюда пришла взглянуть на работы Лунного супруга главы нашего района Виктора Николаевича Ляжина. Она частный предприниматель, у нее своя небольшая дизайнерская студия. И вот ей в момент просмотра картины вдруг стало плохо, и она упала в обморок. Пришлось даже вызывать «Скорую»...

Как далее рассказала Ворчунова, глава района был крайне раздражен случившимся и приказал все картины Лунного из экспозиции убрать. Музейщикам еле удалось отстоять оставшиеся три полотна. С той поры «Портрет Вечности» находился в чулане с другими, временно не востребовавшими экспонатами. Теперь увидеть эту картину желающие могли, лишь попросив директоршу открыть запасник. И такое, надо сказать, случалось не так уж и редко. Что интересно, «Портрет Вечности» и в дальнейшем не раз являл свои необычные свойства. Внезапно бросил пить и стал ярым трезвенником всем известный местный «синяк» Бутылек. И только после этого многие горожане с удивлением вдруг узнали, что его фамилия – Толстой и что он в самом деле каким-то боком приходится родственником великому писателю.

Было два случая, когда пришедшие взглянуть на полотно занудливые меланхолики ушли из музея оптимистичными сангвиниками. Кто-то вдруг нашел в себе дар перевоплощения и стал актером местного драмтеатра. Но были и случаи иного рода. Посетив краеведческий музей, вскоре покончил с собой замначальника районной полиции. Он застрелился из табельного пистолета, оставив записку: «Так будет справедливо!» И только тут все вспомнили, как одно время ходили глухие слухи, будто он сотворил нечто крайне нехорошее, а вместо себя отправил за решетку на десять лет ни в чем не повинного парня. Отбыв всего три года, тот погиб при невыясненных обстоятельствах... Вполне возможно, картина каким-то неведомым образом пробудила в полицейском начальнике крепко спавшую совесть, и он, не выдержав ее угрызений, решил свести счеты с жизнью.

После этой истории число рвущихся увидеть картину резко сократилось. Особенно из числа должностных лиц. А уж когда жена главы после того случая с обмороком без видимых причин вдруг подала на развод и уехала из города, желающих полицезреть «Портрет Вечности» стало совсем мало. И вот теперь это полотно исчезло. Просто исчезло, словно растворилось

в воздухе. Замки на обоих экспозиционных залах взломаны не были, сигнализация на входе исправна, и тем не менее картины – как не бывало...

– Вы знаете, я это как будто предчувствовала! – проводив гостей к запаснику, рассказывала Ворчунова. – Утром проснулась, а душа не на месте. Вот кажется мне, что здесь что-то нехорошее произошло, и все тут! Ну, я это списала на свою чисто бабскую мнительность. Что, думаю, зря колготиться? Но оно из головы никак не идет и не идет! За что ни возьмусь – все из рук валится. Решила: дай схожу. И вот – на тебе! Картины нет! Я сначала осмотрела все экспозиции, все редкости – там никаких проблем. Все цело, все на месте! Уж собралась домой идти, и тут мне в голову стукнуло – дай-ка гляну в запаснике! Зашла, и... Чуть сердце не остановилось. Вот, смотрите! Замок без следов взлома, все решетки, все двери целы. А картины нет! – открыв дверь запасника, всплеснула она руками.

– Хорошо, мы сейчас здесь посмотрим, что да как, а вы, Анна Романовна, пока, как говорится, суд да дело, покажите Марии Леонидовне оставшиеся картины Лунного. Хорошо?

– Да, конечно, конечно! – закивала та. – Идемте, Мария Леонидовна! Уверяю – равнодушной они вас не оставят!

О чем-то негромко беседуя, дамы отправились в соседний зал, а опера, принеся из машины «дежурный чемоданчик» Стаса, приступили к обычной сыщицкой рутине. Они осмотрели через специальное компактное электронно-оптическое устройство врезной замок двери запасника и почти сразу же обнаружили следы отмычки. Это означало, что здесь поработал опытный вор со стажем. Но как он мог проникнуть в помещение? Стас предположил, что вор перед закрытием пришел в здание как обычный посетитель, спрятался, а ночью забрался в запасник и унес оттуда картину.

Однако Гуров с этой версией не согласился. Если вор пришел как посетитель, то куда он мог спрятаться в этом не самом просторном здании? К тому же, рассказывая о системе охраны музея, Ворчунова сообщила, что перед уходом с работы его работники тщательно осматривают каждый уголок. Закончив с этой мимолетной дискуссией, напарники продолжили поиски, и очень скоро это дало свои результаты. Найдя в конце коридора еще одну наглухо закрытую комнату, они проверили и ее замок. Его тоже кто-то вскрывал отмычкой. Открыв замок предоставленным им ключом, опера вошли в это явно подсобное помещение и среди кучи старых стульев, столов, шкафов обнаружили спрятанную под хламом раму картины. По всему было видно, что находится она здесь максимум сутки. Кто-то снял с нее полотно, поскольку с рамой его вынести, скорее всего, было бы невозможно. Осмотрев помещение, в дальнем углу под грудой ломаной мебели они нашли пролом в полу, ведущий на первый этаж.

А спустившись этажом ниже, в чуланчике с метлами, швабрами и лопатами нашли еще один пролом, ведущий в подвал под зданием. Опера вышли на улицу и, разыскав дверь подвала, убедились в том, что она заперта снаружи большущим навесным замком. Сразу же появилось предположение, что где-то сбоку должен быть какой-то потайной лаз. Но где? В этот момент на улицу вышли Мария и Ворчунова. Узнав о предварительных результатах поиска пропажи, директорша лишь горестно вздохнула и открыла вход в темный замусоренный подпол.

– Мы уже давно планируем очистить и обустроить этот подвал, чтобы сдать его в аренду какому-нибудь предпринимателю под кафе или бистро, – чуть смущаясь, пояснила она. – Тут в чем суть проблемы? Здание музея ветхое, ему нужен хотя бы косметический ремонт. Районные власти денег не дают, а нам самим где их взять? Кроме того, в помещении кафе можно было бы выставлять некоторые наши экспонаты. Глядишь, после этого кто-то из посетителей и захотел бы посмотреть основную экспозицию... Ну а что делать? У меня вахтеры и уборщицы работают чуть ли не на голом энтузиазме...

Подсвечивая фонариком, Лев и Стас спустились вниз и всего в нескольких метрах от входа увидели зияющую дыру в кирпичной кладке стены подвала, свежую кучу земли и куски битого кирпича на полу под этой норой. Судя по диаметру норы, по ней в подвал запросто

мог пробраться взрослый мужчина среднего телосложения. Сориентировавшись на местности, Гуров попросил:

– Стас, пройди до кустов в той стороне, – указал он на стену подвала. – Думается мне, начало норы должно быть там.

– Добро! – кивнул тот и вышел наружу.

Вскоре из норы донесся его приглушенный голос:

– Лева, тут действительно начало норы. Натоптано здорово, собака след возьмет наверняка!

Тоже поднявшись наверх, Гуров прошел к кустам и увидел зев вырытого в земле вертикального лаза, ведущего вниз, в который уже спустился Стасислав.

– Ну и что там? – поинтересовался он, наклонившись над лазом.

– В сторону здания ведет горизонтальный штрек. Так что вывод очевиден: вор по лазу проник в подвал, проломил уже гниловатый пол, и... Ну, остальное понятно! – Поднявшись на руках, Стас выбрался из лаза.

– Но только здесь нужно учесть то, что, скорее всего, этот вор хорошо знает здание музея! Можно сказать наверняка, что в недалеком прошлом он кем-то здесь работал.

– Слушай, Лева! Надо с местных «проставу» стребовать – мы за них уже половину расследования провели! – смеясь, отметил Крячко.

Они вернулись к парадному входу и увидели перед музеем белую «десятку» с «люстрой» на крыше. Глядя на машину коллег, Стас саркастично заметил:

– Да-а-а-а... Не прошло и полгода!

Подойдя ближе, опера сразу же поняли: между прибывшими полицейскими и директором музея разговор идет какой-то излишне напряженный, даже нервный. Прибывших было трое – капитан лет тридцати, совсем еще молодой лейтенант и сержант средних лет. Скорее всего, шофер. И если лейтенант с сержантом стояли молча, явно чувствуя себя не в своей тарелке, то капитан, судя по его размашистым жестам, ощущал себя неким «хозяином положения». На его худом носастом лице было, можно сказать, написано упоение своей «самостью». При этом и Мария, и Ворчунова выглядели несколько растерянными.

– Лева, нутром чую: этот капитанчик – чмо, каких поискать! – чуть слышно констатировал Станислав.

– Похоже на то... – усмехнулся Гуров.

Услышав их голоса и звук шагов, все разом обернулись в их сторону. И если во взгляде «фитиля»-капитана с замашками заносчивого фанфарона читалась высокомерная спесь, ощущение службистского всемогущества, то его спутники, судя по всему, этих настроений не разделяли. Во взгляде Марии горело возмущение, а вот на лице директорши музея были написаны растерянность и даже испуг. Стискивая руки, она умоляюще посмотрела на оперов. Подойдя поближе, Лев невозмутимо поинтересовался:

– Что здесь происходит?

– Кто такие?! Ваши документики! Ж-живо! – развернувшись к нему и выпятив грудь, «с понтами» потребовал капитан, в какой-то мере спародировав Попандопуло из «Свадьбы в Малиновке».

– Документики? Пожалуйста... – Гуров не спеша достал из кармана удостоверение и, развернув, показал всем троим. – Для особо неграмотных поясню устно: мы оперативные сотрудники Главного федерального управления уголовного розыска, полковник Гуров и полковник Крячко. Еще вопросы есть? Вопросов нет. Отлично! Так, капитан, показывай свой документ.

Тот нехотя достал свою «ксиву» и нервно развернул ее перед операми.

– Ефашкин Ревмир Андреевич... – вслух прочел Станислав и тут же повторил недавний вопрос Льва: – Так что же здесь, будьте добры сказать, происходит?

– Мною проводятся следственные действия по факту кражи из музея ценной картины! – уже без прежнего апломба объявил несколько «сдувшийся» капитан. – Сколько она может стоить? – голодным удавом воззрился он на окончательно сникшую директоршу.

– Ну, я не знаю... Возможно, тысяч двести рублей... – чуть слышно выдавила та.

– Вот! – с хищным ликованием воздел вверх указательный палец капитан.

– Что – «вот»? – пренебрежительно усмехнулся Крячко.

– Учитывая стоимость полотна и отсутствие следов взлома, я включил данную гражданку в круг подозреваемых! Картину украла она сама, а нам позвонила, чтобы пустить следствие по ложному следу!

– Похоже, господин капитан, с вашей головой не все в порядке! – отчеканила Мария, смерив его убийственным взглядом.

– Ты в самом деле дурак или только притворяешься? – прищурился Станислав, в упор рассматривая Ефашкина.

Побагровев, тот что-то хотел выдать в ответ, но его перебила Ворчунова. С лицом, искаженным обидой и горечью, утирая ладонью обильно побежавшие слезы, она гневно выпалила:

– Как вам не стыдно! Да я здесь, бывает, своих денег трачу не зная сколько на покупку экспонатов! Что же никто из вас не заинтересовался, куда после ухода Мумятина с должности директора подевались самые ценные коллекции старинных монет, столового серебра, фарфоровых миниатюр? Куда два подлинника Шишкина делись? А?! Я же писала тогда заявление о том, что фонды музея разворованы, и никто ни в полиции, ни в прокуратуре даже не почесался! Ну, где на вас, таких бездельников, найти управу?! – По ее лицу было видно, что она крайне оскорблена тем, что выдал Ефашкин.

– Но-но! – нагоняя на себя кураж, прикрикнул капитан. – Полегче с необоснованными оскорблениями! А то можно еще и за это предстать перед судом! Вы лучше расскажите, как вы украли картину и кто ваши соучастники.

Поморщившись, Гуров осек расходившегося обалдуя в погонах:

– Слышь, капитан! Прежде чем нести эту свою ахинею, ты хотя бы место происшествия осмотрел? Нет?! Ну, ты и перец! Тогда так... Как старший по званию и как представитель главка, от этого расследования я тебя отстраняю. Данное дело, как особо важное, мы берем в разработку нашего ведомства. Это не в порядке обсуждения, это официальное распоряжение. Ясно? Тогда – кру-гом! Отсюда – ша-а-гом марш! Кстати, это относится и к вам! – строго взглянул он на лейтенанта и сержанта.

– Есть! – козырнув, разом ответили те и, круто повернувшись, поспешили к машине на глазах офонаревшего капитана.

– Вы... Куда?! Стоять!!! – взвизгнул он, но эти двое его словно и не слышали.

Задыхаясь от злости, Ефашкин кинулся к машине, однако сержант дал газу, и «десятка» стремительно умчалась прочь. Операм тут же стало ясно: в здешнем райотделе этого визгуна терпят только потому, что его кто-то хорошо опекает из числа вышестоящих. С ненавистью окинув взглядом всех находящихся у музея, Ефашкин дрожащим от злости голосом объявил:

– Вы оплатите за свое самоуправство! Вам сейчас позвонят! Вы сейчас о многом пожалеете! Сейча-а-с, сейча-а-а-с... – Как-то нелепо ставя ноги, он враскорячку зашагал прочь, рывками доставая из кармана телефон.

– Так... Давай-ка я созвонюсь с Петром... – доставая свой сотовый, проговорил Крячко. – А то это чмо с погонами, я чую, сейчас на всю округу, вплоть до министерства, разведет «благодухание».

– Ну, да... – согласно кивнул Гуров. – Это стоит сделать. И еще скажи ему, что в Савиновку надо обязательно выслать главковскую опергруппу, в рамках расследования причин смерти Лунного, поскольку есть обоснованные подозрения в том, что он умер по причине отравления. Дроздов там будет нужен обязательно. Ну а к нам сюда пусть пришлют кинолога

с собакой. Время в запасе у нас еще полдня, так что хватит и на эксгумацию, и на все положенные процедуры.

– А мне как быть? – наблюдая за ними, растерянно развела руками Ворчунова.

– Успокойтесь, – ободряюще улыбнулся Лев и добавил: – Я сейчас созвонюсь с местным ОВД, вызову их криминалистов, а когда они свои дела закончат, до конца следствия музей будет опечатан.

Набрав номер начальника местного ОВД и услышав отклик, Гуров неспешно заговорил:

– Виктор Степанович, еще раз добрый день! Это Гуров из главка. Я у вас сегодня уже был. Тут такое дело... В вашем районном музее краеведения произошла кража одной дорогой картины, и расследование этого случая мы взяли на себя, как и расследование причин смерти художника Лунного. В Савиновку сейчас выедет наша главковская опергруппа. Ну а к музею прошу направить хороших криминалистов из вашего ОВД. Только не надо присылать сюда капитана Ефашкина. Редкостный идиот, да еще и с амбициями.

– Зна-а-ю... – вздохнул его собеседник. – Только и успеваем жалобы на его необоснованные действия рассматривать. Давно бы уже с треском его выставил, но у него хорошая «крыша» в министерстве – какой-то очень важный дядя... Ладно, сейчас организуем!

И в самом деле очень скоро к музею подрулила та же самая «десятка», с тем же сержантом за рулем. Даже лейтенант был тот же, только старший группы другой – майор с седоватыми усами. Этот смотрелся явным профи. Гуров и Крячко показали майору все, что им удалось обнаружить, и работа началась. Местные опера провели тщательное изучение помещений, замков и прочего и полностью согласились со своими столичными коллегами – вор и в самом деле, скорее всего, когда-то имел к этому зданию достаточно близкое отношение. В тех местах межэтажного перекрытия, где были выполнены проломы, когда-то имелось что-то наподобие технологических окон на период ремонта здания. То есть вор копал не абы куда – он хорошо знал и подвальное помещение и перекрытия проламывал там, где мог проделать для себя лаз без особых усилий. Кроме всего прочего, криминалистами было установлено, что кражу совершили двое – были найдены следы двух пар мужской обуви. Отпечатков пальцев, кроме тех, что были оставлены сотрудниками музея, обнаружить не удалось. Скорее всего, вор (точнее, вору) работал в перчатках.

Поскольку Лев и Станислав были до предела заняты, и их делам конца-края видно не было, Ворчунова пригласила Марию к себе домой – она жила неподалеку. Уведомив Льва, что они уходят, женщины быстро удалились.

Завершив работу, местные криминалисты собирались уже отъехать, пообещав все протоколы, акты и прочее выслать в главк электронной почтой, как в этот момент примчался уже знакомый приятелям японский минивэн. Из его салона выгрузились все тот же кинолог Анатолий и его неизменный спутник Азарт, с которыми им уже не раз доводилось работать. Предполагая, что в краже мог быть замешан кто-то из местных жителей, опера попросили кинолога провести обследование территории, прилегающей к зданию музея. Разумеется, отправной точкой послужил обнаруженный в кустах вход в лаз.

Азарт сразу же взял след и соседними переулками, застроенными старыми особнячками, уверенно повел к окраинной улице. Но, дойдя до обочины дороги, пес беспомощно закрутился на месте, потеряв след. Судя по всему, он здесь обрывался. Видимо, кто-то из воров, или сразу оба, укатил отсюда на машине. Гуров созвонился с майором, и местные криминалисты вскоре прибыли туда. Попросив их «выжать» из этого места максимум информации, он предложил Анатолию вернуться к лазу.

– А смысл какой? – недоуменно поинтересовался Стас. – Азарт сюда же опять и приведет!

– Это если считать, что на машине уехали оба вора, – категорично не согласился Гуров. – А если один из них местный? Вдруг Азарт сразу его след не выявил? Надо попробовать еще раз.

Они вернулись к музею, и Анатолий, поведя пса по территории, снова привел его к лазу. Принюхавшись, Азарт на этот раз побежал совсем в другую сторону. Преодолев около километра по улицам и переулкам, он привел оперов к старой пятиэтажке, зато с новенькими бронедверями. Созвонившись через домофон с одной из квартир, Стас маловразумительно буркнул:

– Я это, я...

Электроника тут же запиликала, и дверь распахнулась. Следом за Азартом опера поднялись на третий этаж и остановились подле старой, обшарпанной двери. Пес поскреб лапой дверь, как бы желая указать на то, что тот, кто нужен всем этим людям, скрылся за ней. На звонки и стук никто не реагировал. Зато из-за соседней двери выглянула бабулька:

– Этот «синяк» Курубякин со вчерашнего дня не выходил. Поди, напился и спит, пьянюга чертов!

Поскольку времени оставалось в обрез (нужно было успеть еще и в Савиновку), опера решили дверь выломать. Они пригласили бабульку и еще одну ее соседку в качестве понятых, Крячко коротко разбежался и одним ударом плеча открыл дверь нараспашку. Оказавшись в грязной и захлавленной прихожей, он вдруг крикнул:

– Не входить! Тут газом пахнет!

Побольше вдохнув воздуха, Стас добежал до кухни (благо ее дверь была заперта и газ не разошелся по всей квартире!) и, ворвавшись внутрь, обнаружил шипящую горелку газовой плиты, а также лежащего на полу невзрачного мужчину с бутылкой в руке. Спешно закрыв кран горелки, он распахнул окно, откуда на кухню ворвался порыв свежего ветра. Тронув рукой хозяина квартиры, Стас сразу понял: поздно. Тот уже начал коченеть.

Когда квартира проветрилась, опера изучили возможные обстоятельства кончины ее хозяина. Скорее всего, определили они, у него «горели трубы», и он, выслушив сразу полбутылки водки, тут же свалился в полную «отключку». Правда, успел перед этим поставить на плиту полный чайник. Кипящая вода залила огонь, и на кухню начал поступать газ, от которого пропойца и задохнулся. Уберегло дом от взрыва еще и то, что была настежь открыта форточка и хорошо работала внутрстенная вытяжная вентиляция. В противном случае ответом на звонок оперов в дверь могло бы стать мощное «Буммм!» – со всеми понятными последствиями.

Бабульки-понятые, узнав, какая беда их миновала, без конца крестясь и поминая Всевышнего, на все лады костерили «алкаша чертова», который едва не погубил своих соседей. Один из жильцов дома, к этому моменту собравшихся у квартиры усопшего, припомнил, что Окуроч, как меж собой соседи именовали пропойцу, лет десять назад работал дворником и сантехником в управлении городского коммунального хозяйства. Позже это здание отдали под музей краеведения... Из разговоров с теми, кто хорошо знал Курубякина, удалось выяснить, что тот когда-то отбывал срок на малолетке за квартирные кражи. Их он совершал, виртуозно владея воровскими отмычками.

– О-о-о, насчет этого он был виртуоз! – засвидетельствовал дед в трениках и пляжной панамке. – Если кто потерял ключ – шли к нему. Гвоздем любой замок мог открыть...

Покончив с делами в Проклове, опера на всех парах помчались в Савиновку. Они уже получили звонок старшего опергруппы главка, которая прибыла туда с полчаса назад. Он сообщил, что к этому времени они уже успели найти землекопов, и те в данный момент полным ходом раскапывают могилу художника Лунного. Когда «мерин» Станислава затормозил у сельского погоста, там, что называется, негде яблоку было упасть. Известие о том, что «для какой-то там проверки» будут выкапывать гроб Лунного, переположило всю округу, поэтому у кладбищенской ограды собрался не один десяток человек. В разноголосом гудящем толпе, обсуждающей перипетии кончины Виталия трехлетней давности, кое-кто уже начал заключать пари:

живым его похоронили или по-настоящему мертвым? Кто-то спорил на бутылку, а кто-то и на десять-двадцать тысяч наличными...

Среди женщин прибывшие сразу же заметили Таисию Максимчук, которая молча стояла в стороне от всех, словно окаменев. Выйдя из машины, Мария подошла к ней и обняла за плечи, говоря какие-то слова поддержки и утешения. Среди толпы тут же побежали разноголосые шепотки:

– А кто это?

– Ты че, тупой? Это же Мария Строева... Да! Та самая, знаменитая...

– Ух ты-ы-ы, какие люди к нам пожаловали!..

– Не толкайтесь, черти! Что ведете себя как бараны?..

Уже знакомый операм мужской голос пробасил:

– Точно – бараны! Давятся, как какое-то дикарье! Что люди-то о нас подумают?!

Глянув в его сторону, Гуров сразу же узнал своего недавнего собеседника Кирина. Тем временем землекопы выбрали из могилы остатки грунта, и все присутствующие явственно услышали глухие удары лопат о крышку гроба. Толпа притихла и насторожилась. Таисия сжалась в комок и закрыла лицо руками. Один из парней, работавших в могиле, выбрасывая последние комья земли, неожиданно сообщил тем, кто был наверху:

– О! Гроб-то – как новенький! Как будто только вчера похоронили.

Это известие тихим гомоном прокатилось по толпе и затихло в самом ее конце. Землекопы, работавшие наверху, спустили вниз веревки и менее чем через минуту по команде «Вира!» начали поднимать гроб. Напряжение в толпе нарастало. Казалось, наэлектризовался сам воздух. Когда над могилой явственно мелькнула красная ткань гроба с черной бахромой, в толпе ойкнула какая-то женщина. Гуров и Крячко, стоявшие рядом с могилой, имея крепкие нервы, были непоколебимо спокойны. Однако и они где-то в глубине души ощущали непривольную нервную дрожь. Каждого до крайности интриговало: что может быть там, под крышкой?

Теперь гроб стоял на только что взятом с кладбищенской мусорной кучи полотне старого штaketника. Старший из землекопов – невозмутимый усатый дядька с недельной щетиной на щеках, небольшим гвоздодером с обоих концов гроба оторвал крышку и скомандовал парням:

– Поднимайте!

Настала звенящая тишина. Крышка была убрана, усач неспешно снял с лица обитателя гроба ажурное покрывало и, взглянув в сторону толпы, негромко сообщил:

– Не перевернутый. Как положили, так и лежит.

В мертвой тишине даже эти негромко сказанные слова донеслись до каждого. Бригадир землекопов отошел в сторону, уступив место экспертам, а толпа глухо загомонила. Вполголоса возликовали те, кто ставил на смерть Лунного до его погребения. Одновременно приуныли проигравшие. Однако еще одна реплика усача добавила эмоций всем, без исключения:

– Виталя-то совсем не переменялся. Вот, каким его положили в гроб три года назад, таким и остался. Даже и улыбается... Тая, можешь глянуть – не пугайся. Он не испортился. Лежит как живой.

Словно очнувшись от какого-то кошмара, поддерживаемая Марией, Таисия несмело направилась к калитке в кладбищенской ограде. Сельчане, сочувственно вздыхая, уважительно уступали ей дорогу. Но не успели Мария и Таисия подойти к могиле, как всех, можно сказать, наповал сразило восклицание судмедэксперта Дроздова:

– Товарищ полковник! Лев Иванович! – В голосе завязатого флегматика и сухаря звучали совершенно несвойственные ему нотки растерянности и крайнего удивления. – Так он-то, покойничек наш, получается, как бы... Живой!..

Толпа единым выдохом издала ошеломленное «Ах-х-х-х!..».

– Ты уверен? – донельзя ошарашенный услышанным, уточнил Гуров, шагнув к гробу.

– Более чем... Вы гляньте! Сколько лет работаю – первый раз с таким сталкиваюсь! Вот, убедитесь сами: тело – мягкое, гибкое, нет трупных пятен, температура... Ну, я бы сказал, градусов на пару теплее, чем глина, что из могилы вынули. Ее рукою тронуть, так она – ледяная. А он – да, теплее ее, теплее. Боже мой... Вот это да-а-а!

Следом за Гуровым и Крячко к гробу поспешили и все члены опергруппы. Молча глядя на покойника, который оказался как бы и не совсем покойником, они словно не верили своим глазам: не снится ли им все это?! Но реальность красноречивее всяких доказательств подтверждала: если в этом мире и есть место чуду, то они стали его свидетелями.

– Стоп! Мы сейчас уточним! – неожиданно спохватился Дроздов и поспешил к машине опергруппы. – Сейчас, сейча-а-с-с... Где оно тут у меня? Ага! Техника точно покажет, что там к чему!

Достав из минивэна чемоданчик со свисающими из него проводами, волнуясь и спотыкаясь на бегу, он поспешил обратно.

– Сейчас уточним... – в который уже раз повторил Дроздов, крепя к рукам и голове недвижимого тела художника какие-то датчики.

– А что это такое? – поинтересовался Крячко.

– Последняя разработка, Станислав Васильевич, позволяет уловить малейшие импульсы мозга и сердца. Если они в состоянии парабиоза, прибор это должен уловить... Это специально для тех случаев, когда надо делать вскрытие, а патологоанатом сомневается, что тело полностью умерло.

Дроздов впился взглядом в монитор прибора и замер в ожидании. Потекли томительные минуты.

– Лева, у меня крыша начинает ехать! – не отрывая взгляда от «усопшего», помотал головой Крячко. – Ведь если кому об этом рассказать, так ни за что же не поверят! Сам ты что об этом думаешь?

Гуров, уже совершенно внутренне освоившийся с этим неординарным явлением, негромко произнес:

– Знаешь, есть такая фраза: не верь глазам своим. Ну, это в том смысле, что мы иногда воспринимаем кажущееся нам объективным и реальным, хотя на самом деле это вовсе не так. Не будем спешить – дождемся выводов экспертов.

Изобразив крайнее сомнение на лице, Стас пожал плечами:

– Но, Лева, согласишься, что в мире много такого, что с ходу объяснить невозможно. Помнишь, был случай в Самаре, когда девушка, надумавшая плясать с иконой, якобы окаменела? Об этом еще фильм сняли, по-моему, он называется «Чудо»... Вот ты в это мог бы поверить?

– Конечно, нет! – категорично отмахнулся Лев. – Похожих случаев в истории немало. Человек, например, может впасть в летаргию. Ну а кто-то, из своих собственных побуждений, вокруг этого факта начинает накручивать небылицы. Кстати, не так давно в Интернете прошла информация о том, что вообще никакой окаменевшей девушки не было! Все это выдумка, от начала до конца. В Самаре кто-то специально запустил такую брехню, указав конкретный адрес. Туда и потащился народ, пошли слухи, сплетни, разговоры...

– Ну и ну! – захлопал глазами Стас. – Значит, это все было выдумкой?! Охренеть!.. Ну а как назвать вот то, что мы видим сейчас? Это вот что, по-твоему?

– В данный момент я вижу лишь конкретный факт, выходящий за рамки наших представлений о жизни и смерти. О чем он говорит? Что мы знаем о возможностях человеческого организма слишком мало, раз не можем этого объяснить. Ты не допускаешь, что в целом по России, да и по всему миру, минимум в каждой стотысячной могиле может лежать вот такой же «живой» покойничек, ждущий своего часа?

– Да-а, Лева, допускаю... – потеряв лоб, шумно выдохнул Стас. – Теперь уже точно, допускаю на все сто.

В этот момент добравшаяся до гроба Таисия упала на Лунного, обхватила его руками и плачущим голосом объявила:

– Хоронить его больше не позволю! Если его будут закапывать, то только вместе со мной!

Дроздов, проверявший грудь и живот Виталия на наличие следов вскрытия, был вынужден отстраниться. Еще раз взглянув на монитор своего прибора, он удивленно воскликнул:

– О! Что-то появилось! Да, точно! Прибор уловил какие-то колебания. Правда, о-о-очень-очень слабые, почти нулевые... Но они есть! Лев Иванович, и что же теперь будем делать-то?

– Надо срочно вызвать реанимобиль! – Лев достал из кармана телефон. – Как бы там ни было, но им теперь должны заниматься медики. Случай крайне необычный.

Крячко тронул Таисию рукой за плечо:

– Успокойтесь! Хоронить его никто не будет! Его сейчас отправят в реанимацию!

– Зачем? Чтобы ставить там над ним всякие опыты? – все никак не могла успокоиться та.

– Никаких опытов! – твердо пообещал Станислав. – Вы же хотите, чтобы он пришел в себя? Вот! Для этого его туда и увезут!

– Лев Иванович, следов вскрытия на теле не обнаружено, – обернулся к Гурову Дроздов. – Но теперь уже, надо думать, к счастью. Иначе, если бы его вскрыли, то на данный момент он был бы тем, чем и ожидалось, – истлевшими останками.

Толпа тем временем потихоньку начала просачиваться за ограду – всякому хотелось хотя бы краем глаза увидеть человека, который, три года пролежав в гробу, остался нетленным и даже вроде бы имел некие признаки жизни.

– Не напирайте, не напирайте! – сердито прикрикнул на них Крячко. – Тут не цирк, а серьезное оперативное мероприятие!

Гуров, не мешкая, созвонился с главком и, вкратце рассказав о случившемся (в том числе и о первых результатах в расследовании хищения картины), попросил Орлова как можно скорее организовать реанимобиль для транспортировки Лунного в какую-нибудь крупную столичную клинику, где есть оборудование для необычных случаев подобного рода. Не отключая сотовый, генерал тут же сорвал трубку городского телефона и в течение пары минут решил вопрос с медиками о выделении спецтранспорта для перевозки тела Виталия Лунного.

– Лева, скажи... – снова заговорил он по сотовому. – Ешкин кот, ты меня так ошарашил этой новостью, что просто мысли путаются! Так вот, скажи: как, по-твоему, могло случиться такое, что человек, который вроде бы умер, пробыл в земле три года и оказался жив? А?

– Петро, ты не горячись насчет «жив». Строго говоря, живым его, в полном смысле этого слова, пока называть не стоит... – неспешно подбирая слова, ответил Гуров. – Хотя выглядит он достаточно необычно для покойника, три года пролежавшего в могиле. Могу допустить лишь вариант, как с тем буддийским ламой. Помнишь, по ТВ рассказывали о случае в Бурятии, когда через семьдесят лет из захоронения достали ламу, и он оказался в какой-то мере условно живым? Это состояние на Востоке называют «сомати» – сверхглубокая кома, когда жизнь теплится на грани смерти. Думаю, наш случай – что-то наподобие. Других объяснений нет.

В этот момент до слуха Льва из трубки донеслось тирликанье одного из проводных телефонов Орлова.

– Ладно, Лева, вернетесь – расскажете! – поспешил генерал закончить разговор. – Министерство на проводе...

Нажав кнопку отбоя, Гуров некоторое время стоял в раздумье. Прикинув, через сколько времени сюда может прибыть спецавто из Москвы, он решил ускорить процесс отправки Лунного. Созвонившись с местной «Скорой», представился и попросил выделить машину, чтобы на ней тело художника повезли навстречу столичному реанимобилю. Встретив в дороге коллег, местные медики могли бы им его передать. Старший фельдшер «Скорой», донельзя оша-

рашенный услышанным, хоть и с некоторой неохотой, но машину выделить все же согласился. Лев тут же снова созвонился с Орловым и сообщил о своей задумке.

– О! Это ты классно придумал! А то – уж не знаю откуда, от наших или Минздрава, – произошла утечка информации, и в Савиновку, того гляди, нагрянет орда и газетчиков, и телевизионщиков. А мне только что первый зам позвонил и сказал, что было бы желательно, чтобы, во избежание ненужного ажиотажа и кривотолков, этот случай обошелся без афиширования. Там, в Савиновке, народу много об этом знает?

– Так сюда, считай, вся деревня сбежалась! Народу – уймаща... – коротко рассмеялся Лев.

– Хреново... А съемки никто не ведет?

– Ну, все население сейчас в основном за пределами кладбищенской ограды, а съемки оттуда вряд ли возможны.

– Вот и хорошо! Никаких съемок, никаких ютубов! А медиков насчет встречной отправки этого Лунного на «Скорой» я предупрежу! – пообещал Орлов. – Кстати! Хочу спросить по поводу хищения картины... Какие-то подозреваемые, хотя бы условные, у вас уже есть? И еще. Эта картина действительно представляет собой какую-то ценность?

– Думаю, да, – уверенно и твердо произнес Гуров. – Судя по качеству исполнения работы – об этом я сужу по другим его картинам и по психологическому эффекту, который создает это полотно, где-нибудь на Сотбисе оно будет стоить миллионы долларов. Ну а подозреваемые... Пособника вора мы нашли, но, к сожалению, уже мертвого.

И он вкратце рассказал о поисках Курубякина и едва не случившемся взрыве газа в многоквартирном доме.

– Ну, эта алкашня чертова! Надо же, чуть целый дом не взлетел на воздух! – возмущенно произнес Орлов. – Слушай, Лева, а кто автор украденного полотна?

– Тот самый, которого только что извлекли из могилы. Это он и есть! Я же тебе об этом сразу сказал! – ответил Лев, наблюдая за приближающимся фургончиком с красными крестами.

– Да-а-а? – еще больше удивился Петр. – Значит, я тебя плохо слушал. Нет, ну, ты глянь, что творится! Прямо мистика какая-то! Слушай, Лева, я сейчас созвонюсь с Минкультом, с Третьяковкой, переговорю с их экспертами... Но, думаю, в любом случае полотно нам надо найти! Так что вы со Стасом давайте настраивайтесь на поиски!

Прибывшие сотрудники «Скорой», озадаченные выпавшей им миссией, пребывали в ступоре, перекладывая с помощью землекопов тело Лунного на носилки. Накрыв художника простынями, его понесли к машине. Таисия, которую по-прежнему поддерживала Мария, не отрывая от него взгляда, шла следом. Захлопнулись створки задней двери фургончика, загудел мотор, и «Скорая» помчалась в сторону трассы на Москву.

В этот момент к Гурову подошел сельский староста – приземистый широченный гражданин лет пятидесяти.

– Товарищ полковник, я так понял, этого-то Лунного теперича здесь хоронить больше не будут? – дымя сигаретой, поинтересовался он.

– Мне так думается – да, теперь его вряд ли вообще похоронят... – покачал головой Лев, пытаясь понять, к чему он клонит.

– Ясно! – деловито подытожил староста. – Значит, могила освободилась. Да и гроб – тоже... Тая! Таисия! Тебе гроб уже без надобности? Куда ты его думаешь определить?

Уже окончательно пришедшая в себя женщина подошла к ним и, махнув рукой, уведомила, что гроб ей и близко не нужен.

– Да хоть сожгите его! – поморщилась она. – Лев Иванович! Теперь я вам вечная должница! Ведь это благодаря вам случилось такое чудо. До сих пор не могу поверить, что Виталья не в могиле! Да еще и, Бог даст, может, в себя придет...

Разведя руками, Гуров с улыбкой покачал головой:

– Тая, это – судьба. Мы – всего лишь ее живые инструменты...

Староста, вскинув руку, потребовал внимания и объявил:

– Уважаемые граждане, поскольку гроб оказался невостребованным, а он, как можете видеть, добротный, хороший, так, может быть, кто-нибудь его возьмет себе? Вещь нужная, в хозяйстве когда-нибудь да пригодится... Или, там, соседям кому при нужде подогнать...

Крячко с трудом сдержался, чтобы не фыркнуть, и поспешно прикрыл рот ладонью. Но сельчане отнеслись к этому объявлению вполне серьезно, как к чему-то обыденному. Одна из женщин тут же откликнулась:

– А давай, Степаныч, я возьму! У меня свекровка со дня на день может преставиться. Так-то, конечно, гроб ей великоват... Ну да ничего, просторный – так даже лучше...

Савиновцы потянулись к селу, и тут... Со стороны трассы к кладбищу наперегонки помчались три разноцветные иномарки. Первым мчался черный «крузак», которого догоняли синий «Форд» и белый «Рено». Сельчане замедлили шаг, с любопытством наблюдая за этой автокавалкадой. А тройка иномарок, подрулив к кладбищенской ограде, лихо затормозила, и из машин начали поспешно выбираться люди с блокнотами, диктофонами, фотоаппаратами, видеокамерами...

Угадав в Гурове какую-то важную персону, они дружно ринулись к нему, наперебой прося дать информацию о сути происшедшего. Сохраняя олимпийское спокойствие, Лев пояснил, что ничего экстраординарного здесь не произошло. Да, была произведена эксгумация тела художника Лунного, умершего три года назад. Это было необходимо для того, чтобы уточнить факт предполагаемого отравления данного человека. Да, его тело, по пока что совершенно непонятным причинам, сохранилось достаточно хорошо. Возможно, это следствие действия яда, если таковой и в самом деле попал в организм. А вот насчет того, что художник все еще жив, Гуров уведомил, что лично он этого не смог заметить.

– Он не дышит, не шевелится, у него нет дыхания и сердцебиения, тело холодное... Основных признаков, присущих живому человеку, не отмечается ни одного. С чего кто-то взял, что он жив?

– А где он сейчас? Где?! – загалдели разочарованные представители СМИ.

– Отправлен на судмедэкспертизу в центральную лабораторию криминалистики, – незаметно подмигнув Таисии, зычно известил Крячко.

– А говорили, что его вроде бы берет к себе то ли Склиф, то ли Бурденко, чтобы там оживить... – нервно куря тоненькую, как спичка, сигаретку, проговорила, и сама тонкая как спичка, корреспондентка какой-то газеты.

– Вот в Склифе и Бурденко об этом и спросите! – усмехнулся Гуров.

Скисшие от такой неудачи репортеры ринулись к сельчанам, прося сообщить любые детали и подробности, каковые те могли заметить. Поскольку очевидцы, смущаясь и пожиная плечами, чего-то такого интригующего припомнить не могли, в руках репортеров тут же появилось нечто хрустящее, и информация тут же полилась рекой. Один из парней-землекопов мгновенно «припомнил», что, еще когда они только пришли со столичными операми на кладбище, из толщи могилы до них донесся еле слышимый протяжный стон.

– ...У-у-у, аж мурашки по спине забегали!.. – живописал он.

Еще один из землекопов тоже вдруг начал «вспоминать», что, когда с лица обитальца гроба сняли покрывало, из его глаза (он точно не помнил – то ли правого, то ли левого) скапывала кровавая слезинка. Точь-в-точь как у панночки из фильма «Вий». Кто-то из сельчан повествовал притихшим корреспондентам о том, что не раз видел на кладбище «собственно-ручными глазами» невероятный природный феномен. По его словам, все три года по весне (нынешняя – не исключение!), чуть начинало пригревать солнце, могила Лунного в момент вытаивала из зимних сугробов первой.

– До кладбища дохожу – глядь: кругом снег, чуть не до верхушек крестов, а его могила – вон она, открытая, как на ладони. На ней даже уже и травка зеленеть начинает!.. Ага!

Втихую пересмеиваясь, наши путешественники, попрощавшись с савиновцами и дав дополнительные гарантии Таисии, что на Виталии никто не посмеет ставить опыты, загрузились в «Мерседес» и отбыли восвояси. Дав газу, Стас направил свое авто к шоссе, ведущему на Москву. Оглянувшись и окинув взглядом толпу у кладбища, Гуров иронично резюмировал:

– Ну, и как после этого верить СМИ, если они любой бред готовы принять за чистую монету? Нет, это же надо такое сморозить – стон, понимаете ли, парни услышали из могилы... Вот до чего доводит жадность одних и глупость других. Как только зашуршало, так сразу информация поперла, будто вода из брандспойта.

– Да-а-а... Представляю, что сегодня вечером выйдут по ТВ и что завтра будет в газетах... – рассмеялся Крячко. – Кстати, Мария Леонидовна, как там полотна Лунного? Понравились?

– Надо же, с этими гробокопательными делами я про картины тоже совсем забыл... – сокрушенно помотал головой Лев. – Рассказывай, рассказывай, счастье мое! Давай свои оценки, как представительница мира искусств!

Немного помолчав, Мария негромко обронила:

– Это был шок... Я такого не припомню, чтобы картина вызывала столь сильную эмоциональную реакцию. Там сейчас три полотна Лунного – два весенних пейзажа и одна картина, я бы назвала, реалистичное фэнтези. Пейзажи, конечно, очень неординарные. От них исходит невероятная энергетика, просто какой-то ее сумасшедший поток... Мне сразу вспомнилось, как я когда-то в детстве ранней весной стояла на какой-то плотинке и смотрела, как через трубу из водоема бежит талая вода. Это зрелище меня тогда словно загипнотизировало. Я не могла оторвать свой взгляд от этой свободной, ликующей воды, убегающей в какую-то неведомую даль... Вот так же и здесь, можно сказать, я купалась в этой энергии, пропитывалась ею. Наверное, только сегодня я по-настоящему ощутила то, что сейчас полным ходом идет весна...

– А что там за реалистичное фэнтези? – поинтересовался Стас.

– Это тоже картина, вызывающая запредельные эмоции, но несколько иного рода. Называется она «Роды кентаврины». Там, среди цветущих трав, рождает своего ребенка особа женского рода мифического племени кентавров. Словами изображенное на картине передать не смогу – это надо видеть. Скажу лишь, что, не ударяясь в вульгарный натурализм, Лунный сумел достаточно эстетично передать всю глубину интимности момента. Запомнилось лицо этой кентаврины, человекоконя женского рода, невероятно красивое, исполненное как родовой муки, так и безграничного счастья сотворения новой жизни... Я стояла перед этой картиной дольше всего. Наверное, то, что ощущала я, может ощутить только женщина. У меня внутри все сжималось от радости за эту мифическую обительницу древней Эллады...

– Не удивлюсь, если окажется, что и эта картина Лунного обладает какими-то невероятными свойствами... – заметил Лев.

– Кстати, ты угадал, – многозначительно улыбнулась Мария. – За три года около десятка женщин, которые до этого не могли забеременеть, побывав у этого полотна, стали мамами. Понятное дело, кто-то считает, что это – не более чем совпадение. Но вот Анна Романовна уверена, что это следствие действия картины. Кстати, она и на себе испытала ее невероятные свойства.

– Что, тоже родила? – уточнил Станислав.

– Нет, у нее и так трое детей, все уже взрослые, есть внуки... Старшие сын и дочь живут далеко отсюда, а вот младший живет здесь, в Проклове. У него жена, ребенок... Но женился он на девочке из детдома, о которой говорили много чего нехорошего, поэтому Анна Романовна была категорически против его женитьбы. Однако он ее слушать не стал. Они крепко поссорились, и после этого с сыном она виделась лишь изредка. А уж сноху видеть вообще не желала.

И вот, это было три года назад, Анна Романовна услышала, что сноха в роддоме. Понятное дело, ее это никак не обрадовало. А тут привезли полотна Лунного, завещанные им музею. Ей они очень понравились, она их долго рассматривала, особенно почему-то кентаврина. А потом ее вдруг словно пронзило: как же она была не права! Она в тот же день пошла в роддом, помирилась со снохой, и теперь они, что называется, неразлейвода.

– Да, интересный феномен... – задумчиво констатировал Гуров, как-то непонятно взглянув на Марию.

Научившись понимать его с полувзгляда за немалый срок совместной жизни, она с трудом сдержала вздох. Вместе они были уже более двадцати лет. То, что у них первые годы не было детей, ими обоими в какой-то мере воспринималось как благо. Еще бы! Тесная, не очень устроенная полустуденческая жизнь мало располагала к расширению семьи. Потом появилась квартира, но к той поре прибавилось и работы. И у него, и у нее... Они оба, каждый в своей сфере, оказались людьми незаменимыми. Иной раз бывало так, что они не виделись месяцами: то Лев отбывал в очередную затяжную командировку, то Мария с театром уезжала на длительные гастроли... И опять отсутствие в доме кого-то третьего (а тем более четвертого, пятого и так далее) выглядело хоть и ущербным, но благом.

При этом в глубине души они постоянно помнили, что даже у вечного «казановы» Стаса, который без конца то с кем-то сходил, то разбегался, имелся сын. Родила его ему сибирская шаманка Вера, и Стас, надо сказать, очень им гордился. Он с нетерпением ждал того часа, когда тот окончит школу и придет поступать в МГУ. У парня оказалась светлая голова, и он был достоин стать студентом лучшего вуза страны. Кстати, достаточно тонко чувствуя душевное состояние своих ближайших друзей, Крячко старался об успехах своего сына при них не распространяться, чтобы ненароком не задеть больные струны. А вот те, кому многие завидовали и считали образцом супружеской пары, чувствовали себя обманутыми жизнью. Конечно, учитывая развитие нынешних медицинских технологий, они могли прибегнуть к чему-нибудь наподобие ЭКО. Но! Они оба привыкли в своем семейном одиночестве, оно казалось им нормальной данностью, они даже находили в этом немалые плюсы. И лишь иногда, из самых потаенных уголков души, прорывалось нечто, отдающее полынной горечью несбывшегося...

В кабине на некоторое время повисло сумрачное молчание, которое нарушил Гуров:

– Ну что, Стас, завтра запрягаемся в поиски картины по полной программе?

– А ты уверен, что Петро завтра не переиграет насчет расследования? У него ж все меняется быстро. То он за здоровье, то за упокой... – явил Станислав изрядную порцию сарказма.

– Нет, нет... Мне кажется, что после пропажи картины и одновременно, так сказать, явления нетленного тела ее автора ажиотаж начнется нешуточный. – Лев немного помолчал и продолжил: – Я думаю, все вдруг осознают, какая ценность была утрачена, и ринутся наверстывать упущенное. В принципе в этом ничего удивительного – у нас это обычное дело. Еще Козьма Прутков сказал: что имеем – не храним, потерявши – плачем. Вот и тут – точно так же...

– Блин... Надо было бы хорошенько опросить соседей Курубякина – не видел ли кто человека, с которым он пошел на кражу? – досадливо вздохнул Стас. – Как же он не вовремя помереть надумал! Тут самое хреновое, если вдруг окажется, что организатор кражи из какого-то другого региона.

– Ну, вообще-то о том, с кем Курубякин пошел на кражу, я уже спросил... – с оттенком флегматичности сообщил Гуров.

– Ух ты-ы-ы! – восхитился Крячко, изобразив на лице многозначительную мину. – И когда же это ты успел? Вроде и были-то там недолго...

– Когда приглашал понятых. Попросил сообщить, кто из их дома состоит в дружках этого типа. С кем вообще он мог бы пойти на такое нехорошее дело, как кража... Ну, они мне сказали, что в их доме с этим пропойцей даже выпивохи считают зазорным гулять в одной компа-

нии. Почему? Дело в том, что у него врожденный сифилис и недолеченный туберкулез, которым он сам специально заразился на зоне.

– Е-о-о-о!.. – округлил глаза Крячко. – Сразу сифилис и туберкулез?! Вот это «букет»! Да, с таким на «дело» пойти из местных едва ли кто решится.

– Ты хочешь сказать, он сам преднамеренно заразился туберкулезом? Но... Зачем?! – Мария явно была потрясена услышанным.

– Из жадности и глупости... – поморщился Лев. – Дело в том, что для заключенных, у кого есть туберкулез, существуют некоторые поблажки. Им дают дополнительное питание, они имеют некоторые льготы в плане выполнения работ. Туберкулезника не ставят на такие участки, где его болезнь может обостриться. Вот ради такой сиюминутной, условно говоря, «выгоды» некоторые специально заражают себя этой инфекцией. Но отсидка-то рано или поздно кончается, а вот болезнь с ним может остаться навсегда... Так вот, к вопросу о свидетелях. Некоторое время назад одна из соседок Курубьякина видела его разговаривающим с каким-то седобородым типом. Мужик, скорее всего, уже пенсионного возраста, высокий и худой. Его лица, правда, толком она не запомнила, но уверена, что он не из прокловских. Так что кое-какие зацепки уже есть.

– Ничего, уже и это неплохо! – одобрил Станислав.

Снова повисло молчание.

– Да-а-а, ничего не скажешь, запоминающаяся поездка выдалась... – проводив взглядом машину какого-то фрика, изукрашенную красными сердечками, как бы про себя отметила Мария. – Я за сегодня столько всякого-разного узнала... Столько набралась впечатлений, что этого хватит на год вперед. Нет, в самом деле, это очень хорошо, что я с вами поехала. Сегодня я увидела много такого, что и тронуло, и удивило, и восхитило, и возмутило... И в Савиновке, и в Проклове. Взять того же ненормального капитана Ефашкина. Ну, это явный негодяй, допущенный к власти! И если бы не вы – я больше чем уверена! – Анну Романовну он бы обязательно арестовал и повесил бы на нее преступление, которого она не совершала.

– Ну, да... Все здесь, говоря словами Владимира Владимировича, я имею в виду, Маяковского: весомо, грубо, зримо! – процитировал Крячко с некоторым пафосом.

– Вы знаете, в наши дни в кино и на сцене можно увидеть нечто и куда более эпатажное, чем то, что мы сегодня видели, – продолжила свою мысль Мария. – Но в любом случае при этом всегда знаешь и помнишь, что любое, даже самое страшное злодеяние, которое нам показали актеры, оно сыгранное, как говорят дети, «понарошку». А вот здесь – все по-настоящему! Здесь всем своим существом ощущаешь и вопиющую жуть несправедливости, и настоящую горечь утраты... Хотя в иные моменты видишь и проблеск какой-то надежды. Это радует!

– Ну, и нас тоже очень радует, что этой поездкой ты осталась довольна! – резюмировал Лев и добавил: – Честно говоря, когда мы еще только ехали в Савиновку, я все же опасался, что тебе этот вояж быстро приестся, и ты скажешь: я уже устала, поехали домой!

– Кстати, я тоже об этом думал! А ты, между прочим, с нами могла бы и на рыбалку хоть иногда выезжать! – авторитетно проговорил Станислав. – На те же Мраморные озера, например. Там такая природа, такие виды – куда этим всяким Швейцариям?! Там просто побыть и подышать – уже удовольствие...

– Хорошо, ловлю на слове! Как только у нас совпадут выходные – все, едем на Мраморные озера! – твердо заявила Мария. – Да, все верно, какой бы любимой ни была работа, замыкать себя одним лишь только этим было бы большой ошибкой. Сегодня нам выпала целая буря эмоций. Думаю, на ближайшие пару месяцев нам будет о чем поразмышлять. Это сродни тому, как, засидевшись в каком-нибудь теплом закутке, вдруг выходишь на свежий ветерок. Да, на нем можно и простудиться, зато жизнь приобретает какие-то новые смыслы, новые краски...

Стас, в котором эмоции, можно сказать, бурлили, тоже разразился энергичным «спичем»:

– Еще какие краски! Вот сегодня на наших глазах свершилось, по сути, чудо: человек, похороненный три года назад, оказался, пусть и условно, но как бы жив! Видя такое, сразу начинаешь осознавать: не все в этой жизни запрограммировано. И тут у меня возникает вопрос: а не сам ли Лунный все это устроил? Ну, в смысле, свою якобы кончину? Для чего он заранее и завещание составил, и деньги для школы приготовил?.. Он как будто все это знал загодя! Как считаешь, Лева?

Гуров на это лишь недоуменно потряс головой:

– Спроси уж что-нибудь полегче. Например, чем постоянная Макса Планка отличается от постоянной Больцмана... Признаюсь честно, я и сам пребываю в полном смысловом тупике. Глаза видят вроде бы очевидное, но внутренне поверить в это не могу. Вот не могу, и все!

– Даже если бы Виталий при тебе вдруг поднялся в гробу и сказал: я жив! – ты и тогда бы не поверил? – с любопытством в голосе поинтересовалась Мария.

– Не исключено, что и тогда. Помнишь, когда-то я тебе рассказывал про свидетеля по одному уголовному делу, который промеж делом признался мне в том, что побывал в гостях на «летающей тарелке»?

– Лева! Может быть, ты это не мне рассказывал? – с ироничной улыбкой взглянула она на мужа. – Я такого не помню! Даже намек не осталось в памяти. А она у меня, согласись, тренированная. Такие роли запоминаю, что тебе и не снилось!

– Да рассказывал я тебе! – усмехнулся Лев. – Помнишь, мы с тобой как-то раз отдыхали в парке, сидели там в летнем кафе на берегу озера? Тогда, помнится, какой-то подвыпивший «крутой» начал бузить, ударил девушку-официантку. Ну а я его за ухо вывел на улицу. Помнишь?

– А! Да, это хорошо помню! Он еще орал, что его отец – какая-то большая шишка, и что он всех «на уши поставит»...

– Вот-вот... – Гуров вскинул указательный палец. – Именно перед этим про человека, побывавшего на НЛО, я тебе и рассказывал. Видимо, тот скандалчик для тебя оказался слишком сильной эмоциональной встряской, поэтому вытеснил все другие воспоминания.

– Кстати, Лева, а я почему-то этот случай тоже не могу припомнить... – вмешался в разговор супругов Стас. – Или ты не посчитал нужным мне об этом рассказать?

– Все я-а-а-сно! Я стал участником творческого слета граждан, страдающих выборочной амнезией! – саркастично парировал Гуров. – У Петра мы сидели, и я вам обоим рассказывал. Ну, ладно... Повторюсь! Было это лет... как бы не двенадцать назад. Я тогда только капитана получил, а Стас был еще старлеем...

– Ни хрена себе! – саркастично хохотнул Крячко. – Да это было-то не знай когда!..

– Ну, уж и не сто лет назад, обрати внимание! – невозмутимо возразил Лев, взглянув на пронесшуюся по трассе яркую фуру со странной для весны новогодней рекламой. – Так вот, я тогда расследовал убийство управляющего одной строительной шарашкой. Нашел свидетеля, который видел подозрительного человека, крутившегося подле офиса компании. Сделали его фоторобот, и в течение суток мы убийцу нашли. Через него вышли на заказчика и дело раскрыли. А пока занимались работой над фотороботом, свидетель рассказал мне про свое необычное приключение...

Тот свидетель, его звали Зиновием, по мнению Гурова, человеком выглядел очень здоровым, уравновешенным, не пустопорожним болтуном. Не смотрелся он и поклонником употребить чего-нибудь психотропного. Но тем не менее Зиновий поведал такое, во что поверить было очень трудно, почти невозможно. По его словам, он побывал на инопланетном корабле, куда попал, можно сказать, случайно. И не просто там побывал, а еще и общался с его экипажем. Случилось это года за три до истории с расследованием убийства управляющего.

Жил Зиновий в пригородном поселке одного крупного областного центра. Работал в городе, куда ежедневно ездил на своей машине. И вот однажды вечером, когда он возвращался

домой, она у него заглохла. Зиновий вышел из кабины, полез в мотор. Все вроде было нормально, а вот искры – нет как нет. И тут он почувствовал, что на него как будто кто-то смотрит. Подняв голову, Зиновий увидел в вечернем небе большое светящееся «колесо», метров на сто в диаметре. Он не испугался, более того, даже подумал: а что же там внутри этой «тарелки»?

И его тут же неведомой силой вдруг подняло в небо. Зиновий и ахнуть не успел, как его затянуло в какую-то светящуюся воронку, и он вдруг оказался в большом помещении, с белыми, светящимися стенами. В центре помещения было три огромных кресла, перед каждым из которых светились прямоугольники типа плазменных экранов. Сам он стоял на какой-то круглой платформе, накрытый чем-то наподобие огромной стеклянной пробирки. Невдалеке, с интересом глядя на него, стояли трое молодых, статных мужчин в плотно облегающих тело серебристых комбинезонах. Мужчины были очень высокие – не менее трех метров. Пропорции тела и черты лица были как и у землян. Светлая матовая кожа, светлые волосы, синие глаза. Ничего угрожающего в их облике он не заметил.

Один из мужчин сделал какой-то жест рукой, и «пробирка», в которой стоял Зиновий, разошлась на две половины. В нос ему сразу же ударил незнакомый терпковато-пряный запах. Продолжая стоять на платформе, Зиновий, как вежливый человек, произнес:

– Здравствуйте! Могу я узнать, для чего вы меня взяли сюда и что со мной будет?

Они заулыбались и сказали, что ничего плохого с ним не будет и скоро он вернется домой. Они – группа исследователей, которые отслеживают динамику настроения людей и их отношение к иным формам жизни. Задали ему много вопросов, отслеживая его реакцию и определяя степень его откровенности. Один из вопросов был таким: способен ли он лишить жизни себе подобного? Зиновий честно ответил, что крайне не хотел бы кого-либо убивать. Но если бы ему вдруг пришлось защищать другого человека от убийцы и у него не было бы другого выхода остановить негодяя, кроме как убив его, наверное, смог бы.

Их разговор затянулся часа на два. Как понял Зиновий, многое из того, что он им поведал, пришельцы уже знали. Но тем не менее они терпеливо спрашивали, спрашивали и спрашивали. Наконец и он смог задать им свои вопросы: откуда они прилетели, не собираются ли захватить Землю, и надо ли землянам опасаться каких-то других инопланетян? Они сказали, что прилетели с одной из планет, вращающихся вокруг Сириуса. Землю захватывать им ни к чему, особенно с учетом того, что на ней к этому времени учинили люди. По их словам, теперь нужно не одно десятилетие, чтобы хоть немного исправить тот ущерб, который они нанесли своей планете. Есть ли враждебные для людей расы разумных существ? Да, есть. Но им Земля, как место обитания, тоже не нужна. Они прилетают к Земле подпитываться потоками негативной энергии, излучаемой миллионами людей. Энергия злобы, зависти, ненависти, жажда убийства, страх и ужас – это все для них очень желанно и придает им силы для дальнейшего существования. Они не заинтересованы в тотальной, самоистребительной войне землян. Но вот всевозможную вражду они умело сеют, взамен пожиная бездну негативной энергии...

В какой-то момент один из пришельцев объявил:

– Нам пора прощаться, приготовьтесь: сейчас вы вернетесь туда, откуда мы вас взяли.

«Пробирка» тут же сомкнулась, вспыхнул яркий свет, и Зиновий вдруг увидел себя стоящим у своей машины. Глянул в небо – никакого «колеса». Сел за руль, повернул ключ в замке зажигания – машина тут же завелась, как будто только этого и ждала. Глянул он на часы, установленные на приборном щитке, – там то же время, что и было до его отбытия на «тарелку». Сверился с часами на сотовом – там на два с лишним часа больше...

– Рассказал Зиновий эту историю и спросил у меня, могу ли я поверить тому, что от него услышал? – продолжал свое повествование Гуров, чему-то улыбаясь, тогда как и Мария, и Станислав слушали его с наисерьезнейшим видом. – Я честно ответил, что не могу. Могу лишь допустить, что это был сон наяву, галлюцинация или что-то еще, наподобие, но никак не реальная встреча с представителями других миров. Он в ответ только рассмеялся: «Знаете,

почему в Шотландии считается дурным знаком увидеть Несси? Потому что этот человек до конца дней своих рискует приобрести репутацию законченного вруна». Вот так же и с этим происшествием в Савиновке. Да, сегодня мы видели нечто необычное. Как это объяснить – я не знаю, это вопрос к биологам, психофизиологам, специалистам-реаниматологам... Но, граждане! Независимо от того, что я сегодня увидел, спешить с какими-то конкретными выводами считал бы несерьезным. Знаете, есть такая штука – кукольный театр. Представим себе, что туда пришел человек, который ни разу этого не видел. Что он подумает, увидев представление? Что куклы – это живые существа. А разве это так?

– Ну да, все правильно... – с задумчивым видом кивнул Станислав. – То, что мы видим, не всегда то, чем это нам кажется. Но все равно будем надеяться, что чудеса все-таки случаются хоть иногда и что Виталий Лунный не умер и обязательно придет в себя...

А Гуров вновь вернулся к теме расследования кражи картины из прокловского музея краеведения. Он перечислил, что именно, на его взгляд, им нужно бы сделать в первую очередь:

– Я думаю, нам надо снова встретиться с художниками на Грачихинском. Особенно с Линксом, похоже, он у них там за старшего. Пусть припомнят всех покупателей полотен Лунного. Может быть, кто-то из ценителей его живописи, не успев купить картину при жизни художника, решил ее «приватизировать» из музея? Надо выяснить, не было ли такого, что кто-то приторговывался, приторговывался, да и не купил. А желание осталось...

– Да и с савиновским населением надо бы поговорить подетальнее на такую же тему... – подхватил Крячко. – К Лунному ведь и прямо в Савиновку приезжали покупатели? Вот-вот... И надо прошерстить всех, кто хоть как-то контактил с Курубякиным. Если он по заданию организатора кражи рыл лаз в подвал музея, то работать мог, скорее всего, только по ночам. Днем его хоть кто-то, да заметил бы.

– Да, похоже на то... – одобрил такой ход мысли Лев. – Еще вопрос – куда он девал землю, выбранную из лаза? Объем-то все-таки немалый... Кстати, о подозреваемых. Ворчунова упомянула про своего вороватого предшественника, некоего Мумятина. Не исключено, он тоже мог быть причастен к краже.

– О! Точно, точно! – энергично закивал Стас. – Этого, я думаю, надо будет вообще потрянуть в числе первых. И по краже музейных экспонатов взять за шкирку, и по нашему теперешнему расследованию хорошо попрессовать.

Их специфический сыщицкий разговор продолжался еще долго – и когда они пересекли МКАД, и когда машина уже побежала по городским улицам. Взглянув на часы, Мария удовлетворенно констатировала:

– О! Я еще и домой успею перед вечерней репетицией!..

Следующим утром Гуров, как и всегда, прибыл в главк задолго до начала работы. Он еще вчера, по возвращении из Савиновки, собирался заглянуть в «контору», обсудить там кое-какие вопросы с Петром Орловым. Но, подумав, решил отложить встречу со своим другом-начальником до завтра. Во-первых, нужно было домой отвезти Марию, да и его самого не самые ближние разъезды основательно утомили. Кроме всего прочего, дома поднакопилось немало чисто бытовых дел. Мария уже несколько раз сетовала по поводу противного, действующего на нервы скрипа одной из дверок шифоньера. На кухне уже давно разболталась розетка. Надо было поточить кухонные ножи... И так далее, и так далее, и так далее... Домой они вернулись в шестом часу. Ближе к семи Мария на такси уехала в театр, а Лев взялся за дело.

Уже поздним вчерашним вечером Строева, вернувшись с репетиции ближе к десяти, первым делом открыла шифоньер и, убедившись, что он даже не пискнул, осталась очень довольна. Выглянув из спальни в гостиную, она громко известила Льва:

– Какое счастье! В нашем доме снова появился мужчина!

Гуров, в это время работавший в Интернете (он искал материалы по криминальным «любителям живописи»), услышав реплику жены, лишь усмехнулся. Если бы ему нормальный восьмичасовой рабочий день, а не сыщицкий, двадцатичетырехчасовой (что было вовсе не редкостью), фиг бы посмела разболтаться какая-нибудь негодница-розетка. А при жизни такой, когда, говоря словами Блока, «покой нам только снится», разболтаться могла не только розетка, но и что-то куда более серьезное.

Минувшим вечером Лев проработал весьма обширный пласт сайтов, посвященных хищениям картин. Как явствовало из интернет-материалов, в наши дни воры предпочитают «пасть» в провинции. В тамошних музеях, где порой хранятся настоящие жемчужины изобразительного и всякого другого творчества, их охраняют куда примитивнее, чем в той же Третьяковской галерее. Кроме того, воры не обделяют своим вниманием и частных коллекционеров. В таких собраниях также есть шанс украсть нечто уникально дорогое. И практически все, украденное в российских городах и весях, рано или поздно уходит за рубеж. Это просто какой-то рок! Запад, обладая колоссальными финансовыми возможностями, как мощный пылесос вытягивает из пределов России ее культурные ценности, оказавшиеся в руках людей без чести и совести, не имеющих ни малейшего понятия о том, что такое национальное достояние.

Потом украденное оказывается на официальных и полуподпольных аукционах, где мнящие себя честными коллекционеры (хотя фактически это скупщики краденого, именуемые в определенных кругах барыгами), приобретая картины, украшения и тому подобное, растаскивают их по своим богатым «норам». И для всего прочего мира с этого момента они, по сути, оказываются похороненными – теперь их могут увидеть очень немногие. Таким образом культурные ценности превращаются в особого рода аккумулятор чьих-то денежных средств.

Наверное, никто и никогда не сможет подсчитать, сколько за последние века, как ворами, так и всевозможными завоевателями (те же воры и бандиты с большой дороги), вывезено с земли русской ее сокровищ. А красть и грабить иноземные воры и бандиты всегда были мастера. Никому не дано знать, куда делся наполеоновский обоз с тоннами золота и украшений, нахапанных французами в сожженной Москве. Пока никто не знает, где находится знаменитая Янтарная комната, похищенная гитлеровцами... Да что там эта комната?! Частный случай!.. Поляки до сих пор ищут «золотой поезд» – эшелон золота и драгоценностей, вывезенных немцами с оккупированных территорий Советского Союза, который затерялся в пути предположительно где-то на территории Польши. Скорее всего, эшелон был спрятан в каком-то тайном подземелье, вырытом руками тысяч военнопленных, которые потом все были уничтожены...

«Если сказать по совести, – глядя на монитор, размышлял Гуров, – то история Запада – это история нескончаемого, крупномасштабного воровства, грабежа и мошенничества. Ну а к нашим дням усилиями придворных историков западных королей, подлакированное и подгламуренное, это безобразие приобрело видимость некоторой благопристойности. Как те же бандитски-грабительские Крестовые походы, организатором которых стал «святейший» папский престол. Официально орды западных рыцарей шли штурмовать Иерусалим, чтобы «освободить гроб Господень» от сарацин. А фактически – грабить, грабить и грабить. Не случайно же знаменитые сокровища тамплиеров у «Рыцарей Храма» появились именно после этих «освободительных» походов на Ближний Восток. Точно так же шел «освобождать» русских крепостных Наполеон, точно так же шел «освобождать» Россию от большевизма бесноватый...»

Читая случайно попавшийся на глаза опус западного журналиста, в котором тот восхвалял деятельность Сотбис и Кристис, Гуров невольно рассмеялся: ну, надо же! Этот борзописец в своей сочинялке выставил не вполне чистые в коммерчески-нравственном плане аукционно-торговые предприятия как неких благодетелей, позволяющих сохранить богатства человеческой цивилизации.

– Что-то смешное? – проходя из спальни на кухню, на ходу обронила Мария.

– Ужасно смешно! – с сарказмом откликнулся Лев. – Почитать этих писак, так весь мир живет благодаря только западной торгашне!..

Вот и сегодня, придя на работу, он снова с головой ушел в Интернет. Войдя в базы данных контингента российских уголовников, специализирующихся на краже музейных ценностей, Лев неспешно просматривал досье всевозможных «работников фомки и отмычки». Вот хорошо ему знакомый профессиональный вор Гордей Ударин по кличке Гирия. Этот домушник два раза попадал на нары за кражи из квартир коллекционеров. Один раз Гирия загремел на нары за «прихватизацию» целого альбома (точнее сказать, кляссера) редких, а потому очень дорогих марок. Взяли его опера одного из столичных ОВД в момент передачи украденного заказчику. Оба «кореша» по решению суда отправились на весьма приличные сроки. Второй раз (этот случай довелось расследовать самому Гурову) Ударин украл из квартиры президента нефтяной компании миллиардера Шальнова подлинник Рембрандта. Тот купил полотно великого голландца на одном из крупных аукционов за астрономическую сумму.

Всего за три дня Лев смог выйти на след матерого крадуна (Ударин украл Рембрандта играючи, легко обойдя несколько систем сторожевой защиты) и взял его с поличным в одном из лабиринтов общеизвестного рынка-притона в Черкизове. После задержания вора и изъятия у него украденной ценности картина была направлена в центральную лабораторию МВД, где ее очень тщательно изучили эксперты-криминалисты. Результаты исследования очень удивили Гурова, весьма разочаровали и даже крайне огорчили Шальнова и одновременно несказанно осчастливили Гирию: полотно оказалось чрезвычайно искусной подделкой. Негодующий миллиардер порывался было доказать, что у вора изъято не его полотно – по его утверждению, настоящее тот уже успел продать. Но эксперты нашли на картине отпечатки пальцев самого нефтяника, поэтому его претензии были с ходу отвергнуты. Гирия за кражу сел, однако получил наполовину меньше, чем если бы украл подлинник.

Поэтому посадкой Ударина дело о «липовом Рембрандте» не завершилось. Шальнов подал в суд иск к аукционистам, но доказать ничего не смог. Потратив на суды и адвокатов несколько миллионов (к его счастью, не долларов, а рублей), он с досады напился в престижном московском ресторане и даже малость покуролесил в духе старорежимных купцов. Учинив дебош, набил там кучу посуды, спьяну сделал прилюдное предложение руки и сердца молодой официантке, к концу вечера свое предложение аннулировал, но взамен компенсировал разочарованной девушке моральный ущерб, подарив ей пригоршню скомканных баксов. «Под занавес» своего загула он подрался на кулаках с еще одним миллиардером (владельцем торговой сети), и после этого, уже успокоенный, отбыл домой...

Некоторое время спустя Лев нашел в Интернете повествование по расследовавшемуся им делу о краже картины Рембрандта. В общем и целом, если не считать некоторых мелочей, автор статьи не слишком переврал эту историю. Но самое главное было в другом. В статье повествовалось о судьбе торгового дома «Голд Хэлл» – того самого, где Шальнова «осчастливили» приобретением фальшивой картины. Дурная слава аукционистам впрок не пошла, крупные покупатели начали сторониться их заведения, и торговый дом в течение года съехал со своих былых позиций, трансформировавшись в третьеразрядную забегаловку уровня аукциона, описанного Ильфом и Петровым в «Двенадцати стульях»...

Но в данный момент Гирия все еще сидел, поэтому украсть полотно Лунного не мог просто физически. Еще один «корифей» по кражам полотен – Матвей Репин (кличка Бурлак) в отличие своего великого однофамильца писать картины не умел, зато обладал феноменальной способностью проникать в любые охраняемые помещения. Последним его делом была попытка обокрасть один раз уже обокраденного им коллекционера. И на этой краже он погорел как последний лох: попался ногой в установленный хозяином мощный капкан. Часа три он безуспешно пытался освободить свою несчастную ногу, пока не заметил кнопку с приколотой рядом запиской: «Мучиться надоест – нажми». И он нажал... Сначала отлежав в ортопедии,

потом отсидев несколько лет на зоне, Бурлак вышел на свободу и, как явствовало из досье, со своим воровским ремеслом «завязал»: увы, с хромой ногой «на дело» не походишь. Это для Гурова было новостью. Поморщившись (опять мимо!), он закрыл эту страницу и перешел к следующей, повествующей о «славных» делах картинокрада Бориса Богусяна по кличке Мангал.

В этот момент хлопнула входная дверь кабинета, и на пороге появился Станислав. Увидев Льва за компьютером, он поздоровался и, расплывшись в жизнерадостной улыбке, поинтересовался:

– Похоже, ты и вчера не вылезал из Инета, и сегодня спозаранок весь в поиске? Что читаем? – подойдя поближе, взглянул он на монитор. – Досье на Богусяна? Про Мангала можешь не читать. Его на днях – пиф-паф. Он в кабаке... ну, в ресторане повздорил с каким-то нервным из Кисловодска, а тот, недолго думая, достал пистолет и шмальнул прямой наводкой. Мангал преставился по пути в реанимацию. Нервного «заластали», теперь ему дорога одна – на зону. Но, скорее всего, домой он уже не вернется – скорее всего, его там «закажут».

– С чего бы это?

– Так Мангала месяц назад воры короновали, а грохнул его какой-то мелкий гопник. Тут всякому понятно, что песенка этого нервного спета.

– Интересно, откуда ты все это знаешь? – поинтересовался Лев, окинув приятеля вопрошительным взглядом.

– Радио надо слушать! – торжествуя улыбнулся Крячко. – Я сейчас ехал из дому и слушал волну «Столичного криминала». И вот там – надо же такому совпадению! – рассказывали именно про Богусяна.

– Феноменально! Да, ты прав – радио слушать стоит... Вот только, Стас, ты ехал на работу не из дому, а от очередной своей красотки. Ну, что так смотришь? На плече твоей кожанки чу-у-у-ть заметный след губной помады. Она тебя, эта дива, надо понимать, не отпускала и просила остаться еще хоть на минуточку?

– Гм!.. – недовольно засопел Крячко. – Да, представь себе, Мегрэ Холмсович, не отпускала. Ну... Если бы не работа, то я и сам от нее не уехал бы. Там такая... Гм-гм... Ну, тебе, зануде и сухарю, это неинтересно.

– Да, Казанова Донжуанович, ты прав, мне это совершенно неинтересно... У меня есть жена, и этим все сказано.

– Ой! Ой! Ой! – ерничая, изобразил Стас заунывно-постный вид. – Я уже не раз говорил, что рано или поздно тебя запишут в святые... Ну а мне в святые не попасть. Грешен, отец Лев, весьма грешен! – покаянно произнес он, напирая на «о».

– Да ну тебя, балабол! – рассмеялся Лев и потянулся к телефону внутренней связи, собираясь позвонить Орлову.

Но в этот момент телефон запиликал пронзительным свертком. Поздоровавшись, генерал уточнил, пришел ли Стас, и попросил оперов зайти к нему. Встретил он их озабоченно-задумчивым взглядом, который явствовал, что его спозаранок озадачили, и даже очень. Так, собственно, и оказалось. По словам Орлова, его сегодня «напрягли» ни свет ни заря. Вначале позвонили из Министерства культуры и очень вежливо (все же люди из сферы культуры, в том числе и культуры общения!) попросили «уважаемого товарища генерала» сделать все возможное, чтобы «разыскать работу самородка-самоучки Лунного, которую независимые эксперты поставили в один ряд с полотнами Рублева, Васнецова, Врубеля и прочих корифеев изобразительного искусства».

Сразу же после звонка из Минкульт последовал звонок начальника одного из отделов уже своего министерства, который в достаточно категоричной форме попенял Орлову, что «его люди» весьма предвзято отнеслись к «молодому, перспективному оперу, уже не единожды

являвшему высокий профессионализм в раскрытии самых запутанных уголовных преступлений».

– Причем, вместо того чтобы тактично поддержать своего молодого коллегу, полковники Гуров и Крячко прилюдно унизили его, к тому же в присутствии подозреваемой! – продолжал возмущаться и скорбеть чин из министерства.

Пообещав разобраться, Петр уже собирался закончить разговор, но его собеседник все не унимался, обвинив Льва и Станислава в «распространении некорректной информации мистического характера». По его словам, в СМИ уже прошло «инспирированное главковскими операми» сообщение о том, что якобы человек, похороненный три года назад, будучи эксгумированным, оказался жив, и его теперь реанимируют в одном из медицинских центров.

– Петр Николаевич, я что-то никак не пойму, у вас Главное управление угрозыска или теперь уже медиум-центр? – продолжал язвить звонивший. – Может быть, господам Гурову и Крячко оставить оперативную работу и открыть какой-нибудь там спиритический салон? Пропавшее из прокловского музея краеведения полотно вы планируете искать?

– Разумеется! – Орлов старался быть максимально невозмутимым, и, похоже, именно это больше всего раздражало собеседника (вообще-то, по сути, они были одного ранга, и Петр запросто мог послать кое-куда «великого начальника»). – Именно наши ведущие (он специально выделил слово «ведущие») сотрудники Гуров и Крячко достаточно успешно расследуют это дело. И, кстати, уже определили круг подозреваемых.

Это было последней, «контрольной пулей», которая добила министерского зануду. Буркнув что-то наподобие «ладно, посмотрим...», он скомканно попрощался и бросил трубку.

Выслушав Орлова, Лев и Стас сдержанно рассмеялись. Подобное для них было не ново, что совсем неудивительно. Даже на достаточно высокие посты не так уж и редко попадают люди не слишком адекватные – патологические карьеристы, амбициозные и при этом ограниченные, властолюбцы, хитрые выжиги, за частоклом правильных слов прячущие свою истинную натуру. Знали приятели и о том, что у таких чинуш, какими-то окольными административными лазейками дорвавшихся до того или иного поста, генерал-лейтенант Петр Орлов вызывал и зависть, и неприязнь одновременно.

Завидовали тому, что он свободен от присущей им самим нездоровой жадности пустого славословия, лести, угодничества. Завидовали его умению сформировать дружный, работоспособный коллектив. Завидовали тому, что главк постоянно был лидером в своей сфере деятельности. В конце концов, завидовали, что у Петра есть надежные, верные друзья, которые его никогда не подставят и не предадут... Собственно говоря, именно это и было причиной неприязненного кислотоватого брюзжания «товарисчей» с грязноватой совестью.

– Этот «перспективный» раздолбай у своих же коллег по прокловскому ОВД – как гирия на шее, – саркастично хмыкнул Стас, рассказав о том, как Ефашкин, даже не вникая в суть дела, «методом тыка» определил «главную подозреваемую».

– Эта ситуация напоминает новый телесериал про полицию, где одновременно с положительным главным героем показан полный идиот, который своими тупыми «озарениями» только мешает расследовать дела, – смеясь, добавил Гуров. – Вот так же и в жизни. Всегда обязательно найдется остолоп из числа чьих-то протезов, которого и не уволишь, и сил нет терпеть его дурость. Кстати, конкретно о Ефашкине. Думаю, стоило бы провести негласное служебное расследование и дать оценку тем делам, которые этот придурок передал в суд. Боюсь, там окажется немало тех, кто на зону загремел не потому, что был виноват, а потому, что его в этом «убедил» Ефашкин.

– М-да-а-а... Пожалуй, ты прав... – кивнул Орлов, что-то пометив в своем ежедневнике. – Сегодня же свяжусь с прокурорскими работниками, попрошу поднять все дела, к которым имел отношение этот «перспективный» капитан. Думаю, ты прав – наверняка дров наломал он сверх всякой меры... Теперь о картине. Какие планы у вас на сегодня?

Выслушав приятелей, он одобрительно кивнул и попросил постараться это дело закончить в самые сжатые сроки.

– Чую, этот министерский «доброхот» из-за своего племянничка теперь зуб на вас гарантированно поимеет, и если картину найти не удастся, помоев выльет и на главк, и на вас персонально – не один ушат... – с сарказмом резюмировал генерал.

– Ничего, и не с такими засранцами сталкивались! И не таким остолопам ума вставляли! Пошлем «вдоль по Питерской» и этих понтовых дядю с племянничком... – хохотнул Стас, изобразив энергичный жест крепко сжатым кулаком.

Вернувшись к себе, опера окончательно определились с сегодняшними планами. Гуров взял на себя Грачихинский бульвар, а Станислав – Прокловский район. И тут же, не мешкая, оба отправились в дорогу.

Лев на своем «Пежо» менее чем через полчаса прибыл к самодеятельному вернисажу. Когда он притормозил и вышел из машины, его взгляду предстало нечто батальное: двое граждан в полицейской форме, расхаживая вдоль рядов полотен и их авторов, что-то сердито им вещали, изображая угрожающие жесты.

Судя по растерянным лицам, по недоуменной жестикуляции хозяев картин, они были подавлены и не ждали от представителей власти ничего хорошего. Увидев Линкса, который нервно складывал свои работы в стопку, Гуров подошел к нему и, поздоровавшись, спросил старика:

– Вольдемар Анатольевич, что тут у вас за суматоха?

Не ответив на приветствие, «пасечник» обиженно взглянул на него и отрывисто буркнул:

– А то сами не знаете! Мы вчера к вам как к людям отнеслись, ответили на все ваши вопросы, а вы нас разогнать надумали, натравили этих двух оборотов. Ну, зачем так делать?

– Секундочку! – В голосе Льва зазвучал металл. – Это кто вам такую чушь сморозил? Эти двое?

– Ну, да-а... – как видно, испытав неловкость за свой резкий тон, огорченно вздохнул старик. – Пришли и начали нас шугать, мол, вы тут незаконно, министерство приказало вас разогнать, собирайтесь, и – марш, куда хотите...

– Давай, дед, давай! Собирай свои манатки! – послышался самодовольный голос одного из полицейских – долговязого парня с развязными манерами.

– Лейтенант, подойдите-ка сюда! – жестко распорядился Гуров.

Недовольно скривив рот, долговязый высокомерно огласил:

– Это кто там рот разевает? В «обезьянник» захотел?

Второй – приземистый тип с погонами прапорщика, как видно, почуяв какую-то опасность, подошел к своему напарнику и дернул его за рукав.

– Вам, гражданин, чего? – сипловато спросил он. – Есть какие-то вопросы?

– Есть! – все так же жестко отрубил Лев, в какой-то миг ощутив в этих двоих явную фальшь. – Вы кто такие и с какой целью устроили здесь суматоху? У вас есть на этот счет распоряжение вашего руководства?

– Чего?! – снова спесиво отвесил свои мокрые губы долговязый. – Ты кто такой, чтобы тут какие-то вопросы задавать?

– Полковник Гуров, Главное управление угрозыска! – В какой-то мере уже предугадывая их реакцию, Лев достал удостоверение и развернул его перед этими двоими.

Выпучив глаза и отпрянув, прапорщик выдохнул:

– Ох, е-о-о-о-о!!! – и тут же, развернувшись, что есть духу кинулся наутек.

Долговязый тоже дернулся было удирать, но Гуров мгновенно отреагировал на его маневр. Одним прыжком настигнув беглеца, он скрутил его и, достав из кармана пиджака наручники, защелкнул их на запястьях лейтенанта. В этот момент художники, сообразив, что ситуация в корне переменялась, всей толпой бросились вдогонку за прапорщиком. Поскольку у

того дышалка оказалась слабоватой, догнать его труда не составило. Схваченный руками двоих дюжих живописцев, прапорщик попытался было пригрозить им статьей УК. Вроде того: вы знаете, что вам будет за оказание противодействия сотруднику органов, находящемуся при исполнении? Однако его угрозы на участников задержания впечатления не произвели, и он, моментально «сдувшись», сник и замолчал.

Лев тем временем проверил карманы задержанного и, найдя в одном из них служебное удостоверение сотрудника полиции, даже на невооруженный глаз сразу же определил: фальшивка. «Лейтенант», сообразив, что дела его плохи, решил прикинуться сумасшедшим. Он вдруг задергался и, перекосив лицо, изобразил какую-то полоумную гримасу. Кроме того, упав на тротуар, попытался симулировать эпилептический припадок. В принципе, сыграл он это все не так уж и бездарно. Но Гуров, повидавший в жизни всякого, с нескрываемой насмешкой прокомментировал его старания:

– Ты думаешь, я настоящих эпилептиков не видел? Зря стараешься – тут за версту видно, что валяешь дурака. Тем более что твоего подельника художники поймали, вон, уже ведут сюда.

Повернув голову в сторону живописцев, конвоирующих «прапорщика», «лейтенант» буркнул что-то непечатное и медленно поднялся на ноги. Удостоверение «прапорщика», как и следовало ожидать, тоже оказалось липой. Лев связался с главком и попросил информанщиков пробить по базам данных лейтенанта Вольтунова и прапорщика Мемеджи. К его удивлению, таковые в базах обнаружались, но как уже уволенные из органов за серьезные дисциплинарные проступки. «Лейтенанта» выгнали из полиции еще два года назад, а «прапорщика» минувшей зимой.

Когда прибывшая из местного райотдела опергруппа увезла задержанных, Гуров наконец-то смог поговорить с художниками. Известие о том, что «Портрет Вечности» похищен из уездного музея, живописцев не удивило. Их только озадачило то, что такую ценность в Проклове охраняли хуже, чем «какой-нибудь ржавый велосипед». А еще они оказались в полном тупике, пытаясь умозрительно определить, кто бы он мог быть, тот злодей (и одновременно полный идиот!), который посмел покушаться на столь ценное, но весьма необычное полотно?! Нет, в самом деле, если заранее знать о необычных свойствах этой картины, то, чтобы решиться ее похитить, надо перед этим очень крепко стукнуться головой обо что-то твердое.

Но тем не менее после достаточно горячих дебатов живописцы припомнили из числа постоянных покупателей работ Лунного одного итальянца, которого вроде бы звали синьор Джованни. Какой он из себя? Роста среднего, пузо очень приметное, черные усы и бакенбарды. Он купил у Лунного что-то около пяти его полотен. Причем за хорошие деньги. Когда Виталия уже похоронили, Джованни приезжал еще раз. Узнав о кончине художника, итальянец заметно огорчился и долго выяснял, не осталось ли его полотен у каких-нибудь душеприказчиков.

– Ну, какие у Витальки могут быть душеприказчики? – вздохнул Линкс. – Ни семьи, никого... Ну, мы сказали этому Джованни, что пусть доедет до Савиновки – вдруг найдет там то, что ему нужно? А уж ездил он туда или нет, я не знаю.

По словам живописцев, случился этот визит года полтора назад. Заинтересовавшись итальянским любителем изобразительного искусства, Лев попросил художников изобразить его портрет. Откликнувшись на эту просьбу, сразу двое или трое, вооружившись карандашами, начали что-то рисовать на ватмане. Первым работу закончил Линкс. Размашисто расписавшись на своем творении, он показал Гурову исполненный им в карандаше портрет Джованни.

– Здорово! – однозначно оценил Лев, рассматривая изображение усатого гражданина средних лет, в лице которого читалось горделивое самомнение («Я из Европы, я из Италии!»).

Но в этот момент к ним подошел еще один живописец – Игорь-Мосол и тоже показал свой рисунок. Он изобразил Джованни во весь рост, шествующим по бульвару. Этот Джованни лицом был очень похож на того, что изобразил Линкс. Это дополнительно подтверждало сход-

ство обоих рисунков с их живым прототипом. Кроме того, рисунок Игоря в какой-то мере передавал манеру Джованни держать себя на людях и ходить.

Поблагодарив «пасечника» и Игоря, Гуров пообщался и с другими художниками. Но чего-то характерного припомнить больше никто не смог. Лев уже собирался уходить, однако в этот момент к нему снова подошел Линкс, который рассказал, как на его памяти произошел один довольно-таки дикий случай, когда некий явно полоумный тип пытался порезать перочинным ножом картины, выставленные Лунным. Причем произошло это в тот самый день, когда Виталий привозил свой «Портрет Вечности». На это полотно полоумный накинулся в первую очередь. Виталий, будучи физически очень крепким, вовремя перехватил его руку и отбросил в сторону. Тогда этот ненормальный ринулся с ножом на второе полотно.

– По-моему, вторая картина называлась «Ночи весенние»... – наморщив лоб, припомнил художник. – Там в лучах вечерних фонарей изображен цветущий сад, на переднем плане – парень и девушка, которые обнявшись сидят на траве. Их едва различить, но от картины веет такой душевностью, чем-то таким весенним, будоражащим, что глядишь на эту парочку, и даже сердце замирает от какого-то волнительного предчувствия...

– То есть эта картина была – сплошной позитив и никакого негатива? Но он явил к ней агрессию... А как вы считаете, с чего же он так возбудился, этот псих? – уточнил Гуров, мысленно прикинув, что этот случай, вполне возможно, каким-то боком имеет отношение к краже «Портрета Вечности».

– Как оказалось чуть позже, когда этого психопата связали до прибытия полиции, сюжет картины напомнил ему тот вечер, когда он застал свою невесту с его же лучшим другом, – пояснил Линкс.

– Ну, понятно, «Ночи весенние» что-то там ему напомнили. А «Портрет Вечности» чем ему не понравился? – спросил Лев, напряженно продолжая анализировать услышанное.

– Знаете, он и сам толком объяснить этого не смог... – пожал плечами старик. – Но, как мне удалось заметить, когда псих смотрел на «Портрет Вечности», то – это было заметно даже со стороны! – испытывал серьезный дискомфорт. Примерно как одержимый бесами, когда ему показывают икону.

Кроме того, продолжал рассказывать Линкс, самое интересное было то, что скрутить помещанного художника помог японский турист, который и купил «Ночи весенние». При этом он уговаривал Виталия переехать на Запад или в Японию. Дескать, здесь его не ценят, а вот там он мог бы стать настоящей знаменитостью. Но Лунный это предложение даже обсуждать не стал, чем сильно огорчил японца.

– Вот как? – сразу же насторожился Лев при этих словах. – А вы не припомните, как звали того японца?

– Не-е-е-т!.. – смеясь, отмахнулся «пасечник». – Имена у них такие замысловатые, что в памяти не удерживаются. Какой-то Тояма Токанава. Я о нем-то самом вспомнил только сейчас. Забрав картину, он собирался сюда приехать еще раз, но что-то больше не появился.

– Как давно он здесь был? – поинтересовался Гуров.

– За два месяца до того, как умер Виталий... – немного подумав, ответил старик.

– Вы подозреваете, что он может быть причастен к смерти Лунного? – Лев сразу уловил перемену в его настроении.

– Ну, как сказать?.. Обвинить его в том, что он каким-то образом мог, например, отравить Виталия, я, конечно, не могу. Но почему-то есть такое внутреннее ощущение, что, раз уж Виталий не согласился на переезд за границу, то... Ну, получилось ли как в той драме про бесприданницу: так не доставайся же ты никому? – развел руками художник.

– Проверим... – пообещал Гуров. – Если, разумеется, удастся найти хоть какие-то концы. Вольдемар Анатольевич, раз уж речь зашла о том непонятном психопате и японце-«искусителе», может быть, вы и их нарисуете? Это нам могло бы очень пригодиться. Сможете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.